

Аудит Тракта

Рен Вольский

Аудит Тракта

«Автор»

2026

Вольский Р.

Аудит Тракта / Р. Вольский — «Автор», 2026

Караван Гарва уходит из Карсана к Дальнему Камню. Рен берётся за учёт грузов и дороги, но ложные следы мешают отличить ошибку от предательства. Пока дом Венн ищет путь к обозу, каждое неверное число может стоить людям свободы и жизни.

© Вольский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Груз за воротами	5
Пятая колонка	9
Сухое железо	13
Ось с перекосом	16
Переправа по низкой воде	22
Цена ошибки	28
Записка под тентом	33
Груз, который нельзя намочить	39
Железный Бор	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рен Вольский

Аудит Тракта

Груз за воротами

Караван тронулся с площади у южных ворот, когда солнце ещё касалось крыш Карсана. Колёса первой повозки врезались в сухую колею, и пыль поднялась под копыта выючных лошадей. Рен стоял у заднего борта второй телеги, держа в руках свиток договора. Пергамент шуршал при каждом движении пальцев; чернила на нижней строке уже начали расплываться от пота.

Гарв ждал у первой повозки, перекладывая уздечки. Когда Рен подошёл ближе, старший караванщик кивнул на свиток, не отрывая глаз от дороги. Рен развернул лист до конца и прочитал пункт о приёмке: доступ к накладным и взвешиванию груза оставался за старшими. Подпись уже стояла под текстом. Свиток свернулся, лёг в плоскую сумку у пояса, и шаг привёл к заднему колесу, где пальцы проверили крепление цепи.

Солнце грело спину сквозь тонкую рубаху, а кожа на плечах ощущала лёгкое натяжение старого шва. Вместо спора ведро с водой поднялось от колодца и встало у третьей повозки рядом с мешками шерсти. Взрослые переговаривались о реке и лесном участке, не обращая внимания на движения. Порядок укладки отпечатался в памяти: железные связки лежали ниже, чем требовала равномерность.

К вечеру, когда караван уже миновал последние дома, Рен забрался на край последней телеги и уселся между мешками соли. Договор оставлял только право вести записи; чтобы сохранить хотя бы это, требовалось оставаться на виду и не требовать большего. Пыль от колёс оседала на ресницах, а запах нагретого железа смешивался с терпким ароматом смолы из бочек. Ноги вытянулись вдоль борта, мышцы постепенно привыкали к дрожи повозки.

Гарв развернул карту на борту первой повозки, прижав края камнями. Пальцы легли на край пергамента, ощущая его шероховатость и следы складок. Линия вдоль реки показывала пять дней пути до поворота, где берег сужался и вода становилась быстрее. Дальше указал на лесной участок — два дня среди деревьев, где повозки приходилось вести поочерёдно. Затем линия уходила на равнину, семь дней до Дальнего Камня.

Наклон приблизил взгляд к пальцу, останавливавшемуся на каждой отметке. Воздух над бумагой пахнул старым клеем и пылью. Договор уже отрезал прямой доступ к взвешиванию, поэтому оставалось только отмечать, что именно лежит в каждой телеге и как меняется высота укладки при движении.

Карта свернулась, ремень закрепил её. Отход к своей повозке поставил мешок соли, тёршийся о борт. Пыль с дороги оседала на ладонях при перестановке небольшого ящика, освобождённого места для записей. Взрослые продолжали разговор о корме для лошадей. Контроль теперь зависел от того, что удастся увидеть самому.

Колёса закрипели на камне, цепь на заднем колесе поправилась, натяжение менялось при повороте. Карта уже убрана, но линия маршрута осталась в памяти как единственная точка, к которой можно было вернуться без спора.

На стоянке осмотр первой повозки начался у задней оси. Пальцы нащупали глубокую выбоину в дереве, при нажатии ось дала лёгкий люфт. Переход ко второй показал связки железа слишком высоко; ладонь ощутила, как верхний ряд сдвинулся при лёгком толчке. Третья телега скрипнула под весом шерсти; запах нагретой шерсти смешался с пылью. Четвёртая несла соль в плотных мешках, прижатых к бортам. Ладонь по оси почувствовала, как нагретая поверхность отдаёт влагой. Пятая и шестая стояли рядом: казённые припасы лежали неравномерно, сдвинув

центр тяжести влево, а на шестой железные связки прижали доски так, что те прогибались. Седьмая уже несла следы перегрузки — колёса врезались глубже в грунт.

Пальцы задержались на щели борта седьмой телеги, где тепло смолы смешалось с прохладой земли и оставило липкий след на коже. Запах железа, нагретого за день, ударил в нос, перебивая лёгкий привкус пота лошадей и сухой пыли на ресницах. Сквозняк прошёлся по щиколоткам, прижимая рубаху к спине и усиливая дрожь в предплечьях от долгого стояния. Глубокий вдох втянул влажный воздух, отдававший смолой и шерстью, а ладонь скользнула ниже, ощущая, как прогиб дерева отзывается вибрацией от каждого движения ветра. Колесо справа осело в грунт сильнее, оставив выемку, куда большой палец лёг точно по краю, чувствуя шероховатость и остатки влаги. Верхние связки касались груди при наклоне, металл отозвался холодом, а пересчёт выступающих прутьев по краю показал избыток, не укладывавшийся в утренние отметки. Ноги подогнулись, колено коснулось тёплой доски, и тепло дня перешло в ладонь, смешавшись с лёгким жжением от старого шва на плече. Ветер пронёс мимо запах соли с четвёртой телеги, смешав его с терпкостью шерсти, и звук скрипнувшей оси прошёл по предплечью как прямой толчок. Глаза сузились на одной щели, пропускавшей палец, игнорируя остальное движение вокруг стоянки.

Подход к Гарву указал на вторую и пятую повозки. «Оси на второй и пятой изношены, а груз на шестой и седьмой нужно опустить ниже». Гарв кивнул, но переставил только два ящика с припасами на четвёртую, оставив железо на месте. Погонщики перекинули часть шерсти с третьей на первую, не трогая остальные. Никто не стал перераспределять связки.

Возвращение к седьмой повозке поставило ладонь на борт. Взрослые продолжали разговор о корме. Один похлопал по плечу, сказав, что мальчик приносит удачу дороге. Ответа не последовало. Подход к первой телеге показал, что ось всё так же давала люфт, предложенные изменения остались половинчатыми. Пыль с колёс оседала на ладонях при проверке крепления борта.

Осмотр седьмой телеги сзади начался там, где левое колесо уже утопило обод глубже на ширину ладони. Пальцы скользнули по треснувшей доске борта: щель отдавала прохладой сырой земли и остатком смолы. Правая рука нащупала прогиб под связками — дерево пружинило, будто дышало под весом. Запах нагретого железа ударил в нос резче, смешавшись с влажным дыханием лошадей и пылью от осевшей шерсти. Сквозняк потянул по щиколоткам, прижимая рубаху к спине. Наклон ниже положил ладонь на ось: влага выступила сквозь нагретое дерево, оставив тёплый след на коже. Колесо справа скрипнуло при лёгком толчке, вибрация прошла по предплечью. Пересчёт выступающих концов прутьев по верхнему краю, без касания документов, показал два лишних ряда, упиравшихся в грудь при наклоне; металл отозвался холодом и лёгким звоном от ветра. Грунт под колесом оставил чёткую выемку, куда провёл большим пальцем, ощущая края. Связки в середине лежали сдвинутыми вперёд, передний борт проседал сильнее, а щели между досками расширились ровно настолько, чтобы пропустить палец.

Перемещение к краю стоянки показало, что седьмая повозка уже просела глубже остальных. Пальцы коснулись доски борта, дерево отдало остаточным теплом дня. Третья несёт шерсть, четвёртая — соль в мешках, прижатых к бортам, пятая — казённые ящики, сдвинутые влево. Шестая и седьмая перегружены железом, причём на шестой доски прогибаются заметно сильнее.

Пальцы скользнули по верхнему краю борта, где металл связок отдавал холодом, а древесина под ними пружинила от неравномерного давления. Влажный воздух у земли нес запах конского пота и нагретой смолы, прижимаясь к коже предплечий. Левая ладонь нащупала трещину, расширившуюся от вибрации колеса, и остатки влаги из-под обода оставили скользкий след на большом пальце. Дыхание ветра толкнуло рубаху к спине, усиливая дрожь в мышцах после долгого стояния. Связки в середине укладки лежали плотнее, чем на второй повозке,

и при лёгком толчке верхний ряд сдвинулся вперёд на ширину ладони, обнажая щель между досками. Звук скрипнувшей оси прошёл по запястью как прямой толчок, а запах соли с четвёртой телеги смешался с терпкостью шерсти, усиливая давление на виски. Грунт под передним колесом просел глубже, оставив выемку, куда палец лёг точно по краю, ощущая шероховатость и остатки влаги. Перемещение вдоль борта показало, что правая сторона выдерживает нагрузку хуже: доски прогибались под весом сильнее, чем утром, и тепло от нагретого железа переходило в кожу при касании. Сквозняк потянул по щиколоткам, прижимая ткань и усиливая контраст между холодом металла и тёплой поверхностью дерева.

Опуск на колено у седьмой телеги позволил тёплой доске борта отдать ладони остаточное тепло дня, а под пальцами ощущалась шершавая текстура, пропитанная смолой. Запах нагретого металла смешивался с влажной пылью, осевшей на связках, и лёгкий сквозняк нёс запах конского пота от ближних лошадей. Колесо справа просело глубже остальных, оставив в грунте чёткую выемку. Связки железа лежали плотнее, чем утром. Верхний ряд доходил до уровня, где ладонь, вытянутая вверх, касалась холодных краёв. Рука вдоль борта посчитала выступающие концы: на два ряда больше, чем позволяла утренняя накладная. Пальцы нащупали переплетение прутьев, металл отозвался лёгкой вибрацией от дыхания ветра.

Голоса у костра стихли до шороха. Перемещение ладони ниже, где доски прогибались под весом, ощутило влагу из нагретой оси, проступающую сквозь дерево. Глубина колеи под колесом превышала следы остальных повозок на ширину ладони. Запах соли с четвёртой телеги долетал слабым привкусом, смешиваясь с терпкостью шерсти. Обход телеги по кругу остановился у каждого колеса. На заднем правом доска треснула под нагрузкой, щель отдавала прохладой земли. Связки в середине укладки лежали неровно, сдвинутые вперёд, так что передний борт проседал сильнее. Касание нижнего ряда показало, что железо было холоднее верхнего, а количество рядов не укладывалось в цифры, увиденные утром у первой повозки.

Воздух над стоянкой стал тяжелее, пропитанный дымом смолы. Возврат к борту, где верхние связки касались груди при наклоне, пересчитал их по краю: высота превышала отметку второй телеги. Грунт под колесами оставался влажным от давления, пыль липла к пальцам. Несоответствие закрепилось как отдельный отпечаток: реальная укладка не совпадала с записанным весом.

Договор запрещал проверку накладных и взвешивание, поэтому фиксировалось только то, что видно без прикосновения к документам: высота укладки, глубина колеи под колёсами, положение оси. Первая повозка везла часть шерсти и два ящика с припасами, вторая — железо на изношенной оси, третья — шерсть, четвёртая — соль и два ящика. Каждая позиция осталась в памяти, лист лежал в сумке, доступ к нему оставался ограниченным.

Гарв стоял у первой телеги, перекладывая уздечки. Приближение не произошло, указание на оставшиеся связки не последовало. Вместо этого проход вдоль седьмой повозки проверил, как ремень крепит борт, перераспределение не затронуло ни одну из перегруженных телег. Взрослые продолжали разговор о корме, обходя стороной. Один снова похлопал по плечу, взгляд не поднялся.

Нагретая ось шестой повозки отдавала влагой при прикосновении ладони. Пальцы по дереву почувствовали, где нагрузка сместила центр тяжести. Наблюдения теперь заменяли прямой доступ: каждая повозка, каждый видимый сдвиг груза становились отдельной строкой в памяти.

Солнце уже коснулось горизонта, тени от колёс вытянулись по земле. Возврат к своей повозке поставил мешок соли, тёршийся о борт. Перестановка ящика освободила место для сидения, взгляд прошёл по ряду телег. Первая — шерсть и ящики, вторая — железо с люфтом оси, третья — шерсть, четвёртая — соль, пятая — припасы со сдвигом, шестая и седьмая — железо с прогибом досок. Эти данные оставались доступны без спора.

Солнце коснулось горизонта, тени повозок легли длинными полосами по сухой земле. Воздух над стоянкой стал плотнее, пропитанный запахом нагретой смолы. Обход телеги по кругу, без касания документов в сумке, показал, что высота укладки на седьмой превышала отметку второй на полторы ладони, а на шестой доски прогибались под весом так, что щели между ними расширились. Количество железа, указанное в накладной, не соответствовало ни числу связок, ни их размещению.

Гарв стоял у первой телеги и проверял уздечки. Приближение не произошло. Возврат к краю стоянки позволил присесть у колеса, где пыль уже осела на спицах. Пальцы нащупали след от предыдущей колеи — глубже, чем на остальных повозках. Несоответствие осталось в памяти как отдельная строка: накладная фиксировала меньший вес, а реальная укладка показывала избыток.

Ночь приближалась, разговоры у костра стали тише. Подъём, проход вдоль седьмой телеги ещё раз отметили, что верхний ряд железа лежит ровно на уровне, который не мог уместиться в заявленное количество. Запись в уме закрепила первое расхождение: учёт железа не совпадал с тем, что лежало в повозке.

Пятая колонка

Рен прижал ладонь к борту повозки. Шершавая борозда от прежней колеи отдала тепло в кожу, а ногти зацепили трещину, где смола уже крошилась от постоянной вибрации. Запах нагретой овсяной крупы смешивался с пылью на железных связках; каждый вдох оставлял во рту сухой привкус земли. Колено коснулось края телеги, и дрожь от долгого стояния перешла в предплечья, усиливая тяжесть в суставах.

Ведомость держалась в уме короткими строками: вес по связкам, число рядов, состояние тары, расход овса за переход, время остановок. Пальцы нащупали край дощечки в сумке, ноготь оставил неглубокую борозду на дереве. Запись на дощечке велась только на коротких остановках; в движении Рен проверял связки и запоминал значения.

Маря поставила котелок на борт. Влага проступила сквозь ткань и коснулась пальцев. Запах варева ударил резче обычного. Рен отодвинул котелок в сторону, порция осталась нетронутой. Она заметила это, коротко коснулась его плеча и отошла к лошадям, не уходя сразу. Рен переложил дощечку в другую руку.

Гарв остановился у первой повозки. Руки лежали на ремне, пальцы сжимались и разжимались. «Лишние подсчёты тормозят. Каждый двор стоит денег». Голос звучал ровно, без подъёма. Рен кивнул, не поднимая глаз, и продолжил отмечать высоту укладки на седьмой телеге.

Доски седьмой повозки прогибались сильнее остальных. Пальцы скользнули по щели, где металл связок касался дерева. Вес не соответствовал отметкам от погрузки: избыток появился уже после выхода из Карсана. Строка осталась в уме, без записи на виду.

Усталость накапливалась в мышцах шеи. Плечи сводило, взгляд на мгновение расплывался. Расход овса по одному переходу пропустили, цифра в уме сдвинулась на полтора ведра. Когда Гарв подошёл ближе, Рен показал ему дощечку и признал ошибку прямо. «Перепутал расход. На полтора ведра».

Рен прижал дощечку к бедру. Край врезался в ткань рубахи, оставляя влажный отпечаток от пота. Пальцы скользнули по углю, крошки посыпались на доски повозки, где уже лежала пыль от колёс. Запах овса из мешка рядом смешался с горечью высохшей слюны, а в ушах стучал ритм шагов лошадей, давя на виски прямой тяжестью. Ступня уткнулась в камень под колесом, и дрожь от долгого стояния перешла в икру.

Гарв удержал взгляд на строке. Ремень на поясе скрипнул от движения пальцев. Рен провёл ладонью вдоль борта, ощущая, как смола цепляется к коже, и отметил высоту укладки на седьмой телеге: округлённые цифры Ильмара уже лежали ровными, скрывая лишний пуд. Доски под нагрузкой прогибались глубже, чем на остальных, металл связок нагрелся сильнее после одного перехода, отдавая тепло в воздух, насыщенный пылью. Расхождение по седьмой телеге Рен назвал коротко, умолчав, что лишний вес возник после погрузки.

Маря отошла к котелку. Звук её шагов по гравию остался в ушах ровным стуком, давящим на плечи. Усталость собралась в мышцах шеи, взгляд потерял чёткость, когда отмечали состояние тары на четвёртой повозке. Дощечку переложили, ощущая, как влага от котелка размазалась под ногтем.

Гарв коснулся ремня. Пальцы сжались и разжимались, издавая тихий скрип кожи. Рен стёр лишнюю пометку на дощечке, оставив только контрольную высоту укладки. Гарв забрал дощечку, сократил остановку и дал проверочное поручение на следующую стоянку.

Рен наклонился к борту седьмой повозки. Пальцы скользнули под связки, дерево прогибалось глубже остальных, отдавая тепло прямо в кожу; металл связок нагрелся сильнее после одного перехода, трещины расходились шире под избыточным весом. Запах нагретого железа ударил в нос резче пыли, смешавшись с горечью высохшей слюны. Маря поставила котелок,

влага проступила сквозь ткань и коснулась пальцев, шаги по гравии остались в ушах ровным стуком, давящим на плечи. «Почти не ешь после дороги», — сказала она, не уходя сразу. Рен переложил дощечку в другую руку, ошибка в расходе овса легла неровно, цифра сдвинулась на полтора ведра. Когда Гарв подошёл, он показал строку, признал ошибку прямо, не добавляя объяснений. Расхождение по седьмой телеге назвал коротко, умолчав, что лишний вес возник после погрузки; округлённые значения уже скрывали избыток. Ремень на поясе скрипнул от движения пальцев, воздух между ними стал плотнее от запаха пота и овса.

Рен опустил дощечку на край борта. Ладонь скользнула по шершавой поверхности, где смола ещё держала тепло. Запах овса из мешка рядом смешался с потом, пропитавшим рубаху, и каждый вдох тянул во рту горечь высохшей слюны. Вес переместили на левую ногу, колено упёрлось в ступицу, и дрожь от долгого стояния перешла в бедро.

Рен опустил дощечку. Ладонь скользнула по борту, где смола потрескалась от вибрации, и пальцы нащупали щель седьмой повозки. Доски прогибались глубже, чем на остальных, металл связок отдавал тепло прямо в кожу, а трещины расходились шире под избыточным весом. Пыль с колёс осела на железе, оставляя во рту привкус сухой земли. Ладонь провели вдоль укладки, ощущая, как ребро ладони прилипает к дереву, и отметили высоту на дощечке, не поднимая глаз.

Маря поставила котелок на борт. Влага проступила сквозь ткань и коснулась пальцев. Запах варева ударил резче, чем обычно, смешиваясь с горечью высохшей слюны. Она отвела взгляд в сторону, но не ушла, а звук её шагов по гравии остался в ушах ровным стуком, давящим на плечи.

Гарв остановился у первой повозки. Руки лежали на ремне, пальцы сжимались и разжимались. «Лишние подсчёты тормозят. Каждый двор стоит денег». Голос звучал ровно, без подъёма. Доски седьмой повозки прогибались сильнее остальных, металл связок нагрелся сильнее после одного перехода, отдавая тепло в воздух, насыщенный пылью.

Палец провели по дощечке, ощущая, как трещина под ногтем расширяется от давления. Запах нагретого железа с седьмой повозки ударил в нос резче, чем пыль на дороге. Пальцы сжались на дощечке, кожа побелела у суставов, а в висках стучало в такт шагам лошадей. Расхождение по седьмой телеге назвали коротко, и воздух между ними стал плотнее от запаха нагретого металла.

Гарв удержал взгляд на строке, ремень на поясе скрипнул от движения пальцев. Ребро ладони ощутило тепло дерева, накопленное за долгую дорогу, а трещина под ногтем расширилась от давления. Округлённые цифры Ильмара по седьмой повозке лежали ровной строкой: лишние полтора пуда не совпадали с отметками погрузки, но строка уже не поддавалась правке.

Дощечка вдавилась в ладонь глубже при переключении. Расход овса сдвинулся в уме на полтора ведра, и цифра легла на дощечку с лёгким дрожанием пальцев. Рен показал строку Гарву, назвал ошибку прямо. Кожа у суставов побелела, а в висках стучало в такт шагам лошадей. Гарв не отводил взгляда, воздух между ними сгустился от запаха пота и овса.

Рен провел ладонью под связками седьмой повозки. Дерево отдавало избыточное тепло прямо в кожу, доски прогибались глубже, чем на остальных, а трещины расходились шире под нагрузкой. Гарв приблизился, ремень скрипнул. Рен указал на высоту укладки, сравнивая с отметками погрузки. Цифра на дощечке отличалась на полтора пуда. Пальцы сжались на угле, кожа побелела у суставов, а в висках стучало в такт шагам лошадей. Гарв удержал взгляд на строке, не отводя его. Рен назвал расхождение коротко, не добавляя, что избыток возник после выхода из Карсана. Расход овса сдвинулся в уме на полтора ведра. Когда Гарв потребовал убрать лишние подсчеты, Рен показал дощечку и признал ошибку прямо: «Перепутал расход». Котелок коснулся борта, влага проступила сквозь ткань и коснулась пальцев. Маря не ушла сразу, звук шагов по гравии остался в ушах ровным стуком, давящим на плечи.

Дощечка опустилась на край борта, ладонь скользнула по шершавой поверхности, где смола ещё держала тепло. Пальцы нащупали трещину, набитую мелким песком; зерна вдавливались в ноготь при каждом движении. Запах овса из мешка рядом смешался с потом, пропитавшим рубаху, и каждый вдох тянул во рту горечь. Вес переместился на левую ногу, колено упёрлось в ступицу, дрожь от долгого стояния перешла в бедро.

Ремень на поясе врезался в ладонь, оставляя влажный след. Пальцы сжались на дощечке, кожа побелела у суставов. Гарв приблизился вплотную, взгляд не отпускал строку. Рен провёл пальцем по краю, ощущая, как трещина расширяется. Гарв вернул дощечку и ушёл к следующей телеге.

Ладонь скользнула вдоль борта седьмой телеги. Доски прогибались глубже остальных, металл связок отдавал тепло прямо в ладонь, трещины в дереве расходились шире под весом. Высота укладки легла на дощечку без подъёма глаз. Расхождение по седьмой повозке названо коротко. Ремень скрипнул под пальцами Гарва, кожа издавала тихий звук.

Запах варева ударил резче обычного, смешиваясь с горечью во рту. Шаги по гравии остались в ушах ровным стуком, давящим на плечи. Дощечка переложена в другую руку, ребро ладони прилипло к дереву. Состояние тары на четвёртой повозке отмечено без паузы.

Ремень коснулся пальцев, кожа сжалась и разжалась. Расхождение по седьмой телеге названо без упоминания причины. Пальцы на дощечке дрогнули, оставляя влажный отпечаток. Взгляд сузился до трещины, где набился песок. Короткий кивок, ремень отпущен, след запаха пота остался в воздухе.

Округлённые цифры Ильмара по седьмой повозке отмечены на дощечке: лишние полтора пуда не вписывались в отметки погрузки, но строка уже лежала ровной. Ребро ладони почувствовало, как дерево отдаёт тепло от долгого сжатия. Мышцы шеи напряглись, под лопаткой возникла тупая тяжесть, не отпускавшая при смене ноги. Линия под расхождением проведена углом без произнесения имени.

Рен переложил дощечку, край вдавился в ладонь глубже, чем раньше. Усталость собралась в мышцах шеи, и взгляд на мгновение потерял чёткость, когда он отметил расход овса. Цифра в уме сдвинулась на полтора ведра. Рен показал строку Гарву, назвал ошибку прямо, не добавляя объяснений.

Маря поставила котелок, но Рен не поднял голову. Пальцы нащупали первую связку на седьмой телеге, металл связок нагрелся сильнее, чем должен был после одного перехода. Доски под нагрузкой прогибались глубже, чем на остальных повозках; ребро ладони ощутило, как дерево отдаёт избыточное давление. Цифра в уме сдвинулась: перегруз не совпадал с отметками погрузки в Карсане, но Рен оставил строку без записи, лишь запомнил высоту укладки.

Гарв подошёл ближе, ремни на поясе скрипнули. Рен продолжил отмечать, не поднимая глаз. Пальцы скользнули по дощечке, и влага от котелка, оставшаяся на дереве, размазалась под ногтем. Рен назвал расхождение по седьмой телеге коротко. Гарв остановился, пальцы сжались на ремне, и воздух между ними стал плотнее от запаха нагретого железа и пота.

Рен переложил дощечку, ощущая, как край вдавливается в ладонь. Цифра в уме сдвинулась на полтора ведра.

Гарв взял дощечку, провёл пальцем по строке. Запах пота от его рубахи смешался с запахом нагретого железа. «Дальше считай точнее». Рен принял дощечку обратно, ощущая, как кожа ладони прилипла к дереву.

Ильмар прошёл мимо, не останавливаясь. Его записи лежали в сумке. Рен уже видел, как округлённые значения скрывают перегруз на седьмой повозке. Цифры расходились с реальной укладкой, но открыто сравнивать их не требовалось.

Вечером на стоянке Рен поставил дощечку на край повозки. Пальцы нащупали край, где одна строка уже была исправлена: цифра веса на седьмой телеге изменилась на единицу, но

след старой записи остался под новой. Кто-то провёл по ней не его рукой — уголёк оставил чуть более светлый след, чем тот, которым писал Рен. Рен накрыл дощечку ладонью, не поднимая.

Сухое железо

Рен прижал ладонь к борту повозки. Шершавая борозда от прежней колеи отдала тепло в кожу, а ногти зацепили трещину, где смола уже крошилась от постоянной вибрации. Запах нагретой овсяной крупы смешивался с пылью на железных связках; каждый вдох оставлял во рту сухой привкус земли. Колено коснулось края телеги, и дрожь от долгого стояния перешла в предплечья, усиливая тяжесть в суставах.

Маря поставила котелок на борт. Влага проступила сквозь ткань и коснулась пальцев. Запах варева ударил резче обычного. Рен отодвинул котелок в сторону, порция осталась нетронутой. Она заметила это, коротко коснулась его плеча и отошла к лошадям, не уходя сразу. Дощечка перешла в другую руку.

Гарв остановился у первой повозки. Руки лежали на ремне, пальцы сжимались и разжимались. «Лишние подсчёты тормозят. Каждый двор стоит денег». Голос звучал ровно, без подъёма. Рен кивнул, не поднимая глаз, и продолжил отмечать высоту укладки на седьмой телеге.

Доски седьмой повозки прогибались сильнее остальных. Пальцы скользнули по щели, где металл связок касался дерева. Вес не соответствовал отметкам от погрузки: избыток появился уже после выхода из Карсана. Строка осталась в уме, без записи на виду.

Усталость накапливалась в мышцах шеи. Плечи сводило, взгляд на мгновение расплылся. Расход овса по одному переходу пропустили, цифра в уме сдвинулась на полтора ведра. Когда Гарв подошёл ближе, Рен показал ему дощечку и признал ошибку прямо. «Перепутал расход. На полтора ведра».

Дощечка опустилась на край борта. Ладонь скользнула по шершавой поверхности, где смола ещё держала тепло. Пальцы нащупали трещину, набитую мелким песком; зерна вдавливались в ноготь при каждом движении. Запах овса из мешка рядом смешался с потом, пропитавшим рубаху, и каждый вдох тянул во рту горечь. Вес переместился на левую ногу, колено упёрлось в ступицу, дрожь от долгого стояния перешла в бедро.

Гарв удержал взгляд на строке. Ремень на поясе скрипнул от движения пальцев. Рен провёл ладонью вдоль борта, ощущая, как смола цепляется к коже, и отметил высоту укладки на седьмой телеге: лишние полтора пуда не совпадали с отметками погрузки, но строка уже лежала ровной. Ребро ладони почувствовало тепло дерева, накопленное за долгую дорогу, а трещина под ногтем расширилась от давления.

Дощечка вдавилась в ладонь глубже при переключении. Расход овса сдвинулся в уме на полтора ведра, и цифра легла на дощечку с лёгким дрожанием пальцев. Рен показал строку Гарву, назвал ошибку прямо. Кожа у суставов побелела, а в висках стучало в такт шагам лошадей. Гарв не отводил взгляда, воздух между ними сгустился от запаха пота и овса.

Рен провёл ладонь под связками седьмой повозки. Дерево отдавало избыточное тепло прямо в кожу, доски прогибались глубже, чем на остальных, а трещины расходились шире под весом. Гарв приблизился, ремень скрипнул. Рен указал на высоту укладки, сравнивая с отметками погрузки. Цифра на дощечке отличалась на полтора пуда. Пальцы сжались на угле, кожа побелела у суставов, а в висках стучало в такт шагам лошадей. Гарв удержал взгляд на строке, не отводя его. Рен назвал расхождение коротко, не добавляя, что избыток возник после выхода из Карсана.

Рен провёл ладонь под связками седьмой повозки. Гарв приблизился, ремень скрипнул. Рен указал на высоту укладки, сравнивая с отметками погрузки. Цифра на дощечке отличалась на полтора пуда. Гарв удержал взгляд на строке, не отводя его. Караван подошёл к первому двору. Копыта врезались в сухую землю, оставляя глубокие лунки; пыль поднялась клубами и осела на ремнях, въедаясь в поры кожи. Хозяин вышел, череп блестел влагой, пальцы

сжимали край фартука так, что ткань трещала. Платформа весов стояла под наклоном, одна доска ниже другой на ширину ногтя. Гири в ящике имели сточенные грани, цифры стёрлись до борозд, где скапливался жир. Рен опустил дощечку вдоль бедра. Край дерева врезался в ткань, уголь крошился на ступни. Запах ржавчины ударил в нос, смешавшись с овсом из мешка. Гарв подошёл, ремень скрипнул под ладонью. Рен коснулся ремня, ощущая тепло тела, и сказал низко: «Попросим переставить на ровный настил у сарая». Платформу сдвинули. Доски легли ровно, скрип исчез. Повторное взвешивание дало полтора фунта больше. Хозяин развёл руками, монеты перешли в ладонь Гарва — три медяка и мешок овса. Пальцы сжались на меди, кожа побелела у суставов. Рен отошёл к весам, не касаясь гирь. Пальцы нащупали край платформы: дерево отдавало прохладой, металл — остатком тепла. При лёгком наклоне гиря скатывалась к нижнему краю, оставляя тонкий след пыли. Гарв велел выгрузить часть железа. Связки легли на платформу, доски скрипнули, наклон усилился. Цифра показала на два фунта меньше. Хозяин развёл руками: «Тара впитала влагу». Рен сохранил испорченную бирку. Пальцы коснулись края: дерево треснуло, знак — три черты в круге — остался под ногтем. Запах ржавчины и жира остался на коже. Караван встал в переполненном дворе. Люди спали на телегах, лошади теснились у кормушек, запах навоза висел густо. Гарв подошёл к Рену у первой повозки. Ремень скрипнул, когда он протянул руку. «Считай так и дальше. Только без лишних остановок». Пальцы коснулись дощечки, оставляя влажный след.

Когда Гарв потребовал убрать лишние подсчеты, Рен показал дощечку и признал ошибку прямо: «Перепутал расход». Котелок коснулся борта, влага проступила сквозь ткань и коснулась пальцев. Маря не ушла сразу, звук шагов по гравию остался в ушах ровным стуком, давящим на плечи.

Ремень на поясе врезался в ладонь, оставляя влажный след. Пальцы сжались на дощечке, кожа побелела у суставов. Гарв приблизился вплотную, взгляд не отпускал строку. Рен провёл пальцем по краю, ощущая, как трещина расширяется. Гарв вернул дощечку и ушёл к следующей телеге.

Ладонь скользнула вдоль борта седьмой телеги. Доски прогибались глубже остальных, металл связок отдавал тепло прямо в ладонь, трещины в дереве расходились шире под весом. Высота укладки легла на дощечку без подъёма глаз. Расхождение по седьмой повозке названо коротко. Ремень скрипнул под пальцами Гарва, кожа издавала тихий звук.

Запах варева ударил резче обычного, смешиваясь с горечью во рту. Шаги по гравию остались в ушах ровным стуком, давящим на плечи. Дощечка переложена в другую руку, ребро ладони прилипло к дереву. Состояние тары на четвёртой повозке отмечено без паузы.

Ремень коснулся пальцев, кожа сжалась и разжалась. Расхождение по седьмой телеге названо без упоминания причины. Пальцы на дощечке дрогнули, оставляя влажный отпечаток. Взгляд сузился до трещины, где набился песок. Короткий кивок, ремень отпущен, след запаха пота остался в воздухе.

Караван остановился у первого постоянного двора перед закатом. Пыль осела на колёсах, лошади переступали на месте, копыта оставляли глубокие отпечатки в сухой земле. Хозяин двора вышел навстречу, бритый череп блестел от пота, руки вытерты о фартук. Он указал на весы у края навеса: платформа наклонена, одна сторона ниже другой на ширину пальца. Гири лежали в деревянном ящике, края сточены, цифры на них стёрты до полустёртых борозд.

Рен опустил дощечку вдоль бедра. Край дерева врезался в ткань, оставляя влажный след, а угольная крошка посыпалась на ступню. Лошадиные копыта били по сухой земле, каждый удар отдавал в колени через подошвы сапог. Хозяин стоял у наклонной платформы, пальцы его сжимали фартук так, что ткань натягивалась между костяшками.

Гарв подошёл ближе, ремень на поясе скрипнул под ладонью. Рен коснулся ремня, ощущая тепло тела сквозь ткань, и провёл пальцем по кожаной петле. «Попросим переставить весы на ровный настил у сарая. Там щель в досках уже отмечена утром». Голос вышел низким, без

подъёма. Гарв удержал взгляд на хозяине, не поворачивая головы. Ильмар остался в стороне, руки за спиной, взгляд скользнул по гилям и вернулся к накладной.

Хозяин возразил, голос ровный, но пальцы сжались сильнее, оставляя влажные отпечатки на фартуке. Спор длился коротко: слова о таре, о дороге, о равнине. Платформу перенесли. Доски легли ровно, скрип прекратился. Повторное взвешивание дало полтора фунта больше. Хозяин пожал плечами, развёл руками, монеты перешли в ладонь Гарва. Три медяка и мешок овса. Пальцы караванщика сжались на меди, кожа побелела у суставов.

Рен отошёл к весам, не касаясь гири. Пальцы нащупали край платформы: дерево отдавало прохладой от тени, металл гирь — остатком дневного тепла. При лёгком наклоне гиря скатывалась к нижнему краю, оставляя на платформе тонкий след пыли. Запах ржавчины и старого жира ударил в нос, смешавшись с запахом овса из мешка на ближайшей повозке.

Гарв велел выгрузить часть железа для повторного взвешивания. Связки легли на платформу, доски скрипнули, наклон усилился. Цифра на весах показала на два фунта меньше, чем отметка в накладной. Хозяин развёл руками: «Тара впитала влагу».

Округлённые цифры Ильмара по седьмой повозке отмечены на дощечке: лишние полтора пуда не вписывались в отметки погрузки, но строка уже лежала ровной. Ребро ладони почувствовало тепло дерева, накопленное за долгую дорогу. Мышцы шеи напряглись, под лопаткой возникла тупая тяжесть, не отпускавшая при смене ноги. Линия под расхождением проведена углом без произнесения имени.

Рен переложил дощечку, край вдавился в ладонь глубже, чем раньше. Усталость собралась в мышцах шеи, и взгляд на мгновение потерял чёткость, когда он отметил расход овса. Бирка на железе имела знак, повторяющийся в книге Ильмара чаще, чем должен был.

Гарв велел выгрузить часть железа для повторного взвешивания. Связки легли на платформу, доски скрипнули, наклон усилился. Цифра на весах показала на два фунта меньше, чем отметка в накладной. Хозяин развёл руками: «Тара впитала влагу. На равнине всегда так». Голос звучал ровно, без подъёма, но пальцы его сжались на фартуке, оставляя влажные следы.

Рен подошёл к Гарву, ладонь коснулась ремня на поясе караванщика, кожа ощутила тепло тела через ткань. «Попросим переставить весы на ровный настил у сарая. Там щель в досках уже отмечена утром». Гарв кивнул, не отводя взгляда от хозяина. Ильмар стоял в стороне, руки за спиной, взгляд скользнул по гилям и вернулся к накладной.

Хозяин возразил, но после короткого спора согласился. Весы перенесли, платформа легла ровно. Повторное взвешивание дало полтора фунта больше. Хозяин пожал плечами: «Особенности тары. На дороге всегда так». Компенсация составила три медяка и мешок овса. Гарв взял монеты, пальцы сжались на них, кожа побелела у суставов. Ильмар отвернулся к повозкам, не произнося ни слова.

Рен сохранил испорченную бирку. Пальцы коснулись края: дерево треснуло от давления, знак на металле — три короткие черты, пересекающие круг, — остался под ногтем. Запах ржавчины и старого жира остался на коже, не смываясь от пота. Караван встал на ночлег в переполненном дворе: люди спали на телегах, лошади теснились у кормушек, запах навоза и пота висел густо, не рассеиваясь до утра.

Гарв подошёл к Рену у первой повозки. Ремень на поясе скрипнул, когда он протянул руку. «Считай так и дальше. Только без лишних остановок». Пальцы коснулись дощечки, оставляя влажный след. Рен принял её, ощущая, как край вдавливается в ладонь. Ильмар прошёл мимо, не останавливаясь, но взгляд его задержался на бирке в руке Рена на мгновение дольше, чем требовалось.

Бирка лежала в сумке, знак на ней — три черты в круге — повторялся в записях Ильмара чаще, чем встречался на других дворах. Запах ржавчины и старого жира остался на пальцах, не отпуская до следующего перехода.

Ось с перекосом

Ростик присел у заднего колеса седьмой повозки. Ладонь легла на обод, и тепло пробилось сквозь кожу сразу — резче, чем от солнца. Металл отдавал жар в запястье неровными толчками. Под пальцами обод был сухим, шершавым, в мелких заусенцах; нагретая смола размягчилась и липла к коже. Из-под колеса тянуло железной пылью и старой древесиной, рядом поскрипывали ремни, а между повозками ходил влажный ветер.

Рен подошёл ближе и опустил на одно колено. Край ступицы упёрся ему в бедро. Дерево под ладонью прогибалось неравномерно: с внешней стороны сильнее, чем с внутренней. След колеи уходил вправо, глубокий край отпечатка держал воду, хотя дождя не было уже несколько дней. Пыль там сбилась в плотную серую корку.

— Седьмая опять тянет наружу, — сказал Рен.

Ростик провёл пальцами по оси, не нажимая. На горячем металле остался влажный след с ладони. Лошадь впереди мотнула головой; упряжь звякнула, и вся цепь повозок ответила коротким деревянным скрипом.

У первой повозки Ильмар развернул накладную. Бумага затрепетала на ветру, но он придержал её большим пальцем. Острый ноготь оставил на краю тонкую борозду.

— Переправа через два дня, — произнёс он. — Задержка сорвёт срок.

Голос оставался ровным, только ремень на животе натянулся, когда Ильмар повернулся к Гарву. Гарв стоял возле середины обоза, ладонь лежала на рукояти кнута. Пыль осела на его сапогах до голени, под подошвой похрустывали мелкие камни.

Рен снова приложил руку к ступице. Жар не ослаб. Внутри узла что-то отзывалось тяжёлым сухим щелчком — не при каждом движении, но всегда после толчка колеса. Рен присел ниже, вытянул шею и посмотрел вдоль оси. Нижний край уходил на долю пальца ниже внешней стороны. Для глаза перекося почти исчезал в тени кузова, зато колея повторяла его без ошибки.

— Сколько везём? — спросил он.

Ильмар поднял накладную, не подходя.

— По записи — полный груз.

— Это не вес.

— Запись для того и существует, чтобы не взвешивать каждую связку на дороге.

— Звук не читает записи, — сказал Рен. — И ось тоже.

На мгновение слышны стали только мухи у лошадиного уха да мягкое похлопывание холщового края о борт. Ильмар опустил лист. Рот его дёрнулся, но ответ задержался.

— Ты отвечаешь за расчёты, — проговорил он. — Не за каждую щепку.

— Без разрешения Гарва я узел не разберу.

Эта фраза осталась между ними. Гарв перевёл взгляд с накладной на колесо. Подошёл, поставил сапог у внешнего следа и надавил носком. Пыль осела вокруг подошвы, но колея не расправилась. Тогда Гарв положил ладонь на ось.

Тепло ударило ему в кожу. Пальцы сжались, суставы побелели.

— Снимаем часть груза. Сейчас.

— До переправы два дня, — быстро сказал Ильмар. — Если оставить железо здесь, его придётся охранять. Потом за ним возвращаться. Потеряем и время, и прибыль.

— Если не оставить, — ответил Гарв, — вернёмся за повозкой вместе с лошадьми.

Ильмар шагнул к седьмой телеге. Подошва скользнула по уплотнённой пыли, но он удержался и перехватил накладную обеими руками.

— Сколько снимать?

Гарв посмотрел на Ростика.

— Верхние две связки с внешней стороны. Нижний ряд не трогать, пока не увидим, что под ним.

Ростик кивнул. Вместе с двумя возчиками он расстегнул ремни. Кожа была жёсткой от соли и пота, пряжка не хотела проходить в петлю. Пришлось поддеть её ножом. Ремень лопнул с сухим хлопком, и внешний край груза просел. Дерево борта застонало.

Первая связка сдвинулась тяжело. Железные полосы ударились друг о друга, глухой звон прошёл через руки в плечи. Под связкой обнаружилась вдавленная щель: доска потемнела от старого жира и разошлась по волокнам. Вторую связку сняли следом. Её опустили на расстеленную у обочины рогожу, затем первую положили сверху. Теперь на повозке остался один нижний ряд, прижатый к настилу и внутреннему борту.

Гарв сам проверил счёт.

— Две связки здесь. Остальные в кузове.

— Кто останется? — спросил Ильмар.

— Тарек и Мел. До вечера сторожат двор у переправочного двора. После нашего прохода хозяин пришлёт телегу. Запишешь отдельной строкой: временное хранение, без выдачи.

Ильмар посмотрел на лист, потом на две связки под рогожей.

— А если хозяин не пришлёт?

— Тогда убыток будет его, — сказал Гарв. — Не человеческий.

Рен провёл ладонью по внутренней стенке ниши. После снятия верхнего ряда доска поднялась почти незаметно, но щель стала ровнее. Пыль, зажата между настилом и бортом, осыпалась ему на рукав. С внешней стороны осталась широкая вмятина, внутренняя же поверхность почти не несла следов давления.

— Ремонтировать надо до движения, — сказал Ростик.

Он лёг боком у колеса, чтобы плечо вошло под край кузова. Узкое место сдавило куртку; рукав зацепился за торчащую щепу. Ростик выдернул ткань, оставив на ней длинную светлую царапину, и нащупал расшатанный хомут. Крепёж отошёл от доски на толщину ногтя. При каждом толчке оси хомут бился о дерево.

— Полоса есть? — спросил Гарв.

Ростик указал на обломок старого обруча, лежавший возле задней подножки. Железо покрылось рыжими пятнами, но середина оставалась целой.

Пока Ростик искал молоток, Рен удерживал край доски обеими руками. Дерево давило на пальцы; под ногтями выступила тёмная кровь из старой трещины. Он сменил хват, упёрся локтем в землю и прижал доску к хомуту. Положение повозки изменилось всего на волос, но щель перестала расходиться.

Ростик уложил железную полосу поперёк соединения. Края ещё хранили солнечный нагрев, металл обжёг кожу через рукавицу. Первый удар молотка был коротким. Полоса дрогнула, и отдача прошла в удерживающую руку Рена до плеча.

Второй удар расплющил ржавый край. Третий загнал его под выступ хомута. Щепки вылетели наружу и посыпались на землю. Ростик сменил угол, придержал полосу коленом и ударил ещё раз. Дерево ответило глухим треском, затем соединение осело. Хомут прижался к доске, не оставив прежнего зазора.

— Ещё один, — сказал Рен.

Ростик поднял молоток. Последний удар прошёл через кузов, колесо дрогнуло, а лошадь впереди дёрнула ушами. Полоса легла плотно. Рен отпустил доску не сразу: сначала убрал левую ладонь, проверил, не расползается ли щель, затем правую. Кровь на пальце смешалась с древесной пылью и стала чёрной.

Гарв присел у оси.

— Теперь звук?

Рен постучал костяшками по ободу. Ответ получился глухим, но ровным. Он попросил Ростика придержать колесо, сам взялся за ступицу и нажал с внешней стороны. Поверхность осталась горячей, однако прежнего резкого отдающего толчка не было. Колея под колесом сохранила старый след, но новый край отпечатка уже не углублялся.

— До переправы дойдёт, — сказал Рен. — Если не вернуть верхние связки.

— Их и не вернут, — отрезал Гарв.

Ильмар стоял в двух шагах, у рогожи с оставленным железом. Лист накладной был сложен пополам; ноготь продавил бумагу в месте, где стояла цифра общего веса.

— На дворе за хранение попросят плату, — сказал он.

— Запишешь.

— А если поставщик предъявит претензию?

— Покажешь ему ось.

Ильмар посмотрел на горячий металл, потом отвёл глаза. Ветер поднял край рогожи. Под ней блеснули две снятые связки; ровные полосы железа отражали свет, не обращая внимания ни на срок, ни на расчёт прибыли.

После ремонта Гарв велел проверить нижний ряд. Ростик снял старый клин, которым связки удерживались у внутреннего борта. Клин вышел легко — слишком легко. Его торец был гладким, без свежих сколов. Рен подался вперёд, но не коснулся груза.

Нижний ряд лежал не поперёк настила, а с уклоном наружу. Три связки упирались концами в борт, четвёртая лежала на них с небольшим сдвигом. Между железом и внутренней стенкой оставался зазор в два пальца. С внешней стороны зазора не было вовсе: полосы давили одна на другую и вдавили в дерево прямоугольные следы.

— Почему нижний ряд не пошёл вместе с верхним? — спросил Гарв.

Ростик просунул деревянный шуп в зазор. Шуп вошёл до середины и упёрся в короткую распорку. Её поставили не вдоль кузова, а поперёк, под внешними концами связок. Распорка удерживала железо в смещённом положении.

Рен взял накладную у Ильмара. Тот не сразу выпустил лист. Бумага натянулась между пальцами, край загнулся.

— В записи указана ровная укладка, — сказал Рен. — Нижний ряд должен лежать по центру.

— В записи не указана каждая распорка, — ответил Ильмар.

— Зато указано число связок.

Рен положил лист на борт и прижал его камнем. Потом достал дощечку с расчётом, испи-санную углём. На ней стояли длина оси, ширина настила и распределение веса. Цифры не сходились с тем, что лежало перед глазами. Перекос давал наружному краю лишнюю нагрузку; снятые две связки убрали часть давления, но сама укладка осталась прежней.

— Если бы груз просто съехал на дороге, распорку выдавило бы к борту, — сказал Рен. — Она стоит ровно. Её поставили до того, как затянули ремни.

Ростик поддел распорку пальцами. Дерево вышло из-под связок, оставив в пыли четыре свежих вмятины. На одном торце виднелись следы ножа. Срез был чистым, без дорожной грязи.

Ильмар наклонился к кузову. Его рука потянулась к распорке, но Гарв перехватил запястье.

— Не трогай.

— Я только хотел—

— Смотреть можно. Перекладывать нельзя.

Ильмар медленно убрал руку. Бумага под камнем шевельнулась; угольная пыль с дощечки осела на её белой полосе.

Рен сопоставил отметку веса с фактическим положением связок. Внешняя сторона получала лишние полтора пуда. Не весь груз был тяжелее записи — его разместили так, чтобы перегрузить именно слабое соединение. Это превращало ошибку в порядок действий: сначала изменить накладную, потом поставить распорку, затем затянуть ремни. Случайный сдвиг оставил бы рваные следы и смятый клин. Здесь всё держалось слишком аккуратно.

Гарв поднял взгляд.

— Можешь доказать?

Рен коснулся пальцем угольной цифры. Грифель оставил на коже чёрную полосу.

— Пока только по последствиям. Расчёт совпадает с тем, что ось получила на внешнем краю. Но кто переписал накладную и зачем, из этого не следует.

— Значит, не называй виновного.

— Я и не называю. Я говорю, что запись скрывает нагрузку.

Ильмар расправил накладную. В его пальцах бумага больше не шуршала — он держал её неподвижно, всеми фалангами.

— Если убрать распорку, груз сдвинется внутрь, — сказал он.

— Да, — ответил Рен. — Но тогда ремни придётся затянуть заново.

— А если ось нагреется снова?

— Остановимся до переправы.

Ильмар резко втянул воздух. Грудь поднялась под рубахой, на виске проступила тонкая жила.

— Мы не можем останавливаться всякий раз, когда ему не нравится цифра.

Рен повернул к нему ладонь с кровью и щепками.

— Это не цифра распустила хомут.

Гарв поднялся. Сапоги зашкрипели по гравию. Он указал на снятые связки.

— Внешний ряд остаётся у двора. Нижний перекаладываем по центру. Ростик, распорку выбросить. Поставишь две короткие планки внутри, чтобы связки не ходили. Рен, пересчитаешь нагрузку после укладки.

— По накладной? — спросил Рен.

— По накладной и по тому, что видишь руками.

Фраза прозвучала просто, но Ильмар поднял голову.

— Он не грузчик.

— Нет, — сказал Гарв. — С этого дня он проверяет не только цифры. Перед каждой переправой — оси, крепления, настил. Если запись спорит с деревом, останавливаешь обоз и зовёшь меня.

Рен вытер кровь о внутренний край рукава. Ткань сразу потемнела.

— Понял.

Работа заняла меньше времени, чем спор. Ростик вынул из ниши распорку, отпилил от неё ровный участок и расколол его вдоль. Две планки вошли между связками и внутренним бортом. Железо пришлось приподнять ломом; под тяжестью связок дерево застонало, а лопатка Ростика упёрлась в край настила. Рен удерживал ремень, пока тот проходил под нижним рядом. После затяжки он дважды дёрнул пряжку. Кожа скрипнула, но не поползла.

Две снятые связки остались на рогоже у обочины. Тарек и Мел получили от Гарва короткий приказ: до темноты не отходить от двора, не позволять никому трогать железо и дожидаться телеги хозяина. Ильмар записал это отдельной строкой. Сумма за хранение уменьшала прибыль, а задержка обратной телеги отнимала ещё один день, но спорить он не стал.

Когда нижний ряд встал по центру, повозка поднялась с внешней стороны. Не намного — борт распрямился на ширину ногтя, однако глаз заметил разницу. Ростик снова приложил ладонь к ступице. Тепло сохранялось, но стало равномерным. Рен присел у следа колеи и провёл по пыли двумя пальцами. Новый отпечаток вышел одинаковой глубины с обеих сторон.

Гарв взялся за борт.

— Трогаемся.

Лошади напряглись. Верёвки натянулись, узлы скрипнули. Седьмая повозка двинулась последней; колесо сначала провернулось на месте, потом вытолкнуло из-под себя рыхлую пыль. Ось отозвалась низким ровным гулом. Не было прежнего сухого щелчка.

Рен шёл рядом ещё несколько шагов. Под колёсами менялся грунт: от пыли к гравия, от гравия к твёрдой дороге. Каждый переход давал новый толчок в ступицу. На первом повороте внешняя сторона колеи снова продавилась, но не глубже внутренней. Ремонт выдержал.

Ильмар догнал Гарва у шестой повозки.

— Если к вечеру не успеем к переправочному двору, срок всё равно сорвётся.

— Срок уже изменился, — ответил Гарв. — Мы просто сделали это до того, как его изменила ось.

Ильмар ничего не сказал. Накладная исчезла под его курткой, а рука ещё долго оставалась прижатой к боку.

Рен вернулся к седьмой повозке проверить нишу после первого участка дороги. Ростик шёл следом, придерживая молоток за рукоять. На досках выступила свежая стружка, одна щепка зацепилась за ремень и качалась при каждом толчке. Рен снял её, бросил в пыль и провёл пальцами по железной полосе. Крепление не разошлось.

В пустом месте под нижним рядом осталась узкая ниша. Снятые связки больше не закрывали её, но теперь там было видно только тёмное дерево, жирные пятна и пыль, набившуюся в щель. Рен просунул ладонь внутрь, проверяя, не ослабли ли планки.

Пальцы коснулись сухого обрезка бумаги.

Он остановился. Бумага застряла глубоко, под краем доски, и вышла не сразу. На ней остался прямоугольный след от распорки. Рен расправил обрезок на колене, придерживая его большим пальцем, чтобы ветер не унёс.

Одна цифра. «1½».

Рядом углём стоял короткий знак, похожий на отметку веса. Рен достал дощечку с расчётом и положил рядом. На его строке лишняя нагрузка была записана иначе: «полтора пуда на внешний край». Не приблизительно, не общей суммой — те же полтора пуда, которые давили на перегруженную сторону оси.

Эта цифра не входила в накладную. Она объясняла, почему связки уложили с уклоном, почему распорку поставили поперёк и почему хомут начал расходиться именно у внешнего края.

Гарв остановился впереди и обернулся.

— Что там?

Рен поднял обрезок.

— Запись из ниши. Совпадает с расчётом.

Гарв вернулся к повозке. Пыль с дороги легла на его сапоги поверх старого слоя. Он взял бумагу, не касаясь угольного знака.

— Ильмару не показывай.

— А вам?

— Мне показывай всё.

Рен убрал обрезок за пазуху.

Гарв посмотрел на седьмую повозку, на свежую железную полосу и на ровную колею под колесом.

— С этого дня проверяешь каждую повозку до того, как Ильмар поставит подпись.

Рен кивнул.

Обоз двинулся дальше. Впереди блестела вода за деревьями, тихая и безразличная к срокам, прибыли и чужим цифрам. Под кузовом седьмой повозки ровно работала исправленная

ось, а в кармане Рена лежал обрезок бумаги с полуторным пудом, который кто-то заранее предназначил дороге.

Переправа по низкой воде

Рен остановился на краю настила, там, где между двумя досками уже темнела вода. Она поднималась по щелям медленно, без всплеска, тяжёлой холодной массой подбираясь к подошвам. Дерево под ногами принимало очередь неохотно: сначала отзывалось глухим прогибом, потом тонким стоном крепежа. Семь казённых повозок теснились одна за другой. Оси скрипели от долгого стояния, колёса вязли в размокшей глине, лошади переступали, поднимая копытами чёрную кашу.

Тина пахла гнилыми стеблями и глубокой водой. К ней примешивались железная пыль, мокрая шерсть и кислый пот животных. На языке оседала ржавая горечь. С реки тянуло сыростью; плащ лип к голеним, кожаные ремни на повозках потемнели от брызг.

Гнат стоял у причала по колено в грязи. Руки у него были чёрными до локтей — не от одной речной глины: жир въелся в складки кожи, забился под ногти, оставил сухие полосы на запястьях. Верёвка проходила через его ладони и уходила к парому. Паромщик держал её без видимого усилия, но пальцы сжимались всё плотнее. Кожа вокруг ногтей белела.

— За каждую — по норме, — сказал он.

Голос не изменился. В нём не было ни угрозы, ни торга, только ровная, заранее приговоренная мера. Гнат произносил одну и ту же фразу так, будто она была частью настила, канатом или уровнем воды.

Рядом с первой повозкой возница поправил воротник и сплюнул за борт. Лошадь дёрнула головой; удила звякнули, губы покрылись серой пеной. Вторая упряжка ответила тяжёлым фырканьем. Очередь за спиной не двигалась, но давила на передние телеги всем своим весом: скрипом колёс, кашлем людей, раздражённым топотом.

У настила не хватало одной доски. Она висела на ржавом гвозде, поворачиваясь при каждом толчке воды. Гвоздь вылез из дерева почти на два пальца. Его шляпка блестела мокрым пятном.

Гарв молчал. Кафтан на плечах отсырел по краям, тёмная ткань тяжело висела возле локтей. Взгляд скользил от низкой воды к повреждённому месту, от него — к колёсам первой телеги. Нижняя губа раз за разом задевала зубы.

Рен снял с пояса счётные косточки. Дерево успело набрать речную влагу и стало шероховатым. Семь повозок. Железо и сукно. Отдельная телега проходила по нагрузке, но все семь, поставленные тесно, давили на слабые места одним ударом. Рен прижал косточки к ладони, сверяя ряды груза с просевшей серединой настила.

Если отправить две повозки первым рейсом, а оставшиеся пять — вторым, паром выдержит, но край придётся разгрузить и снова принимать телеги без запаса. Схема была тесной, зато не требовала лишнего перехода и не разгоняла плату за два рейса.

Ремень на поясе Гарва оказался тёплым и влажным. Рен коснулся его тыльной стороной пальцев, привлекая внимание.

— Две на первый рейс. Пять на второй. Третью оставим на берегу, пока не укрепят край.

Гарв коротко кивнул, не поворачивая головы.

— Слышал? — спросил Гнат.

— Слышал, — ответил Гарв.

— Плата за семь.

— За два рейса.

— За каждую повозку.

Гнат потянул верёвку. Канат прошёл по его ладони, оставив в грязи светлую борозду.

— Общий груз не мой, — сказал он. — Каждая телега стоит на моём настиле отдельно.

Улыбка тронула только один угол его рта. Вода за его сапогами подняла пузырь и тут же затянула его мутной плёнкой.

Рен разложил косточки на сухом краю короба: две вправо, пять ближе к себе. Движение было простым, почти хозяйственным. Гнат следил не за косточками, а за его руками.

— Так дешевле не станет.

— Настил проживёт дольше.

— Настил не твой.

— Ремонт тоже оплачивает не река.

За спиной кто-то негромко ругнулся. Лошадь взбрыкнула, повод натянулся, и молодой грузчик отступил, поскользнувшись в глине. Сапог ушёл в жижу по щиколотку. Грузчик выдернул ногу, оставив в колее серый след.

Гнат отступил на шаг. Подошва выдавила в иле глубокий отпечаток; вода сразу заполнила его.

— Две и пять, — повторил он. — А если середина просядет?

— Тогда третью не ставим, пока не укрепим брус.

— А если вода поднимется?

— Меняем порядок. Лёгкие телеги первыми, железо — после ремонта.

Гнат посмотрел на него. Взгляд задержался на ремнях, на железных обручах тюков, на закрытых кожухах, под которыми лежал груз. Потом снова поднялся к лицу.

— Удобно считать чужими руками.

— Тебе платят за то, чтобы они остались целы.

Паромщик скривил губы. Его рука сжалась на верёвке, и канат сухо заскрипел.

Гарв наконец повернулся.

— Делай по схеме.

Два слова прозвучали тихо, однако Гнат услышал. За его спиной поверхность воды блестела между брёвнами; течение шло не к середине русла, а косо, под настил, подмывая опоры. Гарв смотрел именно туда. На миг его пальцы легли на рукоять кнута, затем соскользнули ниже.

Рен перевёл взгляд с реки на его руку.

— Есть другой путь?

— Сейчас нет.

Ответ пришёл слишком быстро. Кнут в пальцах Гарва согнулся, кожа на тыльной стороне руки натянулась белыми полосами.

Где-то выше по течению вода ударила в берег. Удар прошёл по поверхности длинной складкой. Она дошла до переправы, подняла щепки и мягко ткнула ими в днище парома.

Гарв отвернулся.

Первую повозку подвели к трапу. Лошади ступили на мокрые доски. Переднее копыто скользнуло, железная подкова с визгом прошла по древесине. Возница рванул поводья, упряжь натянулась на груди животных. Кожа ремней заскрипела, шерсть под ними вздулась.

Вторая телега вошла следом. Колесо попало в щель, провернулось и выплонуло из-под обода ком глины. Грузчики подхватили борт, не давая повозке завалиться. Мешки с сукном качнулись, железо под кожухом глухо стукнуло о стенку.

Рен встал у края. Пальцы сомкнулись на мокром борту; дерево впилося в кожу занозами. Речная вода плеснула снизу и забрызгала рукав. Холод прошёл через ткань, собрался на локте, потёк к запястью. Взгляд держался на колёсах, на расстоянии между осью и бортом, на провисании досок.

Гнат отдал команду. Канат натянулся.

Паром двинулся.

Сначала ушёл один палец воды между берегом и настилом. Потом два. Дерево под колёсами просело, выпрямилось и снова просело. Первая лошадь опустила голову, нащупывая твёрдое место. Её дыхание било в холодный воздух белыми клочьями. На шее вздулись жилы.

Течение ударило под днище.

Паром качнулся вправо. Вода хлестнула через край и прошла по доскам тонким слоем. Лошади шарахнулись, колёса второй телеги упёрлись в ограничительный брус. Железо внутри туюков зазвенело коротко, дробно.

— Четвёртую вперёд! Третью держать на берегу! — крикнул Рен.

Третья повозка уже тронулась с места, грузчики потянули её к трапу, не расслышав приказ. Рен схватил ближайшую сбрую. Ремень резанул ладонь. Кожа пахла жиром, водой и старым потом.

— Назад! Держи третью!

Возница дёрнул поводья. Лошадь упёрлась, копыта разъехались. На секунду всё застыло: натянутые ремни, скользящий паром, вода под днищем, поднятая рука грузчика.

Затем течение толкнуло сильнее.

Третью телегу потянули к берегу, четвёртую протолкнули вперёд, чтобы освободить трап. Колесо четвёртой повозки ударило в край настила. Ось застонала. Паром накренился, и вода поднялась по доскам до голени.

Холод вонзился сквозь сапог. Рен переставил ногу, сперва освободив пятку, потом вытащив носок из липкой грязи. Плащ зацепился за выступающий гвоздь; ткань дёрнулась и расползлась по шву. Ржавый металл удержал на себе тёмную нитку.

— Держи канат! — крикнул грузчик.

Верёвки прошли через ладони. Один человек обмотал конец вокруг столба, другой упёрся плечом в борт. Кожа на руках натянулась, под ногтями выступила чёрная вода. Ругательства рассыпались над рекой и исчезли в плеске.

Железо в первой телеге сдвинулось.

Связка под кожухом поползла на два пальца, потом ещё на один. Крепление треснуло. Запах ржавчины стал плотнее, перебил тину и конский пот. Край металлической полосы прорезал влажную ткань. Между досками просочилась красно-бурая вода.

Рен указал на связку.

— Лом сюда. Грузчики, удержать борт. Не тянуть одному.

Двое навалились плечами на телегу, третий поддел железо ломом. Рен остался у края, отслеживая расстояние между колёсами и просевшей доской. От каждого удара камней о днище настил отзывался короткой дрожью. Лошади в очереди переступили почти одновременно; железо звякнуло о железо, ремни натянулись на мокрых боках, из ноздрей поднялся тёплый пар.

Связка остановилась. Грузчики закрепили её новым витком верёвки, но настил под первой осью просел ещё на палец.

— Третью не вести, — сказал Рен. — Сначала укрепить край.

Гнат не ответил. В его руках верёвка натянулась до белого блеска волокон. Паромщик смотрел на крепление у носа, на тёмный промежуток между брёвнами, на воду под ним. Ветер трепал край его рубахи; мокрая ткань липла к спине, открывая выпуклые лопатки.

Рен опустил взгляд. Между двумя досками шевелилась щепка. Её поднимало и опускало течение, не давая закрепиться. Рядом торчал оторванный край настила. Ржавый гвоздь вышел из дерева на два пальца, острый и рыжий, с каплей воды на вершине.

— Доску прижать.

Гнат дёрнул верёвку. Грузчики навалились плечами, но доска не легла. Один поскользнулся, колено вошло в грязь, рукавом он задел связку сукна. Верёвка прошла по его запястью и оставила красный след.

Рен присел у края. Влажная глина обхватила подошвы, удерживая их липким сопротивлением. Край плаща волочился по земле, потемнел и набрал тяжести. Ладонь легла на доску. Дерево пропиталось речной водой, холод впился в кожу.

Гвоздь царапнул руку.

Кожа разошлась тонкой красной чертой. Рен не убрал ладонь. Под пальцами доска ходила вверх и вниз, каждое движение отзывалось в запястье. В ногтях сидела глина; отсырев, она потрескалась мелкими чешуйками.

— Так долго не простоит, — сказал грузчик.

— Долго и не требуется. Дай молот.

Молот нашёлся у телеги с железом. Рукоять разбухла от воды и плохо входила в ладонь. Грузчик передал инструмент, но Рен взял его только после того, как прижал доску носком сапога и проверил расстояние до края. Между настилом и водой оставалось меньше ширины пальцев.

Первый удар пришёлся по гвоздю. Ржавчина осыпалась на мокрое дерево. Вторым удар расплющил шляпку. Третий отдался в локте. Под паромом протяжно толкнуло воду, доска дёрнулась, и молот соскользнул. Железо ударило о край, едва не задев пальцы.

— Поторопись, — бросил Гнат.

Рен поднялся. В руке пульсировала тонкая рана. Кровь смешалась с грязью и стекла к запястью, оставив тёмную дорожку.

— Торопятся те, кто не считает, — ответил он.

Гнат повернул голову. Взгляд задержался на руке, потом ушёл к телегам.

За их спинами очередь казённых повозок вытягивалась вдоль берега. Колёса стояли в колеях, покрытые серым налётом. Из кузовов тянуло кожей, мокрым сеном и промасленным железом. Возницы переступали с ноги на ногу, прикрывая воротниками лица от ветра. Один считал мешки, загибая пальцы; другой каждые несколько мгновений поднимал глаза на паром и снова опускал их к узлу на вожжах.

Гарв держался у последней телеги. Кнут лежал в его руке без движения, но пальцы сжимали рукоять всё крепче. Лицо он отвернул к реке.

Рен обтёр кровь о внутреннюю сторону плаща и подошёл к нему.

— Третью нужно оставить на берегу.

— Гнат сказал, что места хватит.

— Гнат говорит за плату.

— За неё уже заплатили.

— Не за повреждённый настил.

Гарв посмотрел на монеты в руке Рена. На двух остались чёрные следы речной грязи. Остальные лежали в кошеле, тяжёлые, холодные, предназначенные для дороги дальше переправы.

— Сколько нужно на ремонт? — спросил Гарв. — Или ты решил отказаться от второй повозки?

Из-под парома донёсся удар камня. Лошади вздрогнули, одна коротко заржала. Возница ударил её ладонью по шее; мокрая грива хлестнула мужчину по лицу.

— Отказываться нельзя. Нужны два гвоздя и брус снизу. Я отдам аванс сейчас, остаток — после первого рейса.

— А плата за телеги?

— Отдельно: за каждую повозку, один раз. Гнат получил аванс за семь. Ремонт — отдельная сумма. Остаток за телеги после прохода.

Гарв провёл большим пальцем по рукояти кнута. Под ногтем застряла тёмная полоска грязи.

— Разберись с Гнатом.

— Уже разбираюсь.

Рен вернулся к парому. Настил поднимался к берегу неровной ступенью. Одна доска лежала выше соседней; между ними просела щель, забитая илом. Грузчики прижали её ломом, но вода из-под края выдавила мутную струю. На доске осталось светлое пятно древесины, свежо сорванное железом.

— Ещё два гвоздя и брус снизу, — сказал Рен. — Доску поставить ровно.

— Брус денег стоит.

— Меньше, чем телега.

— За ремонт тоже отдельная плата.

— За ремонт заплатим один раз.

Гнат сплюнул за борт. Плевков исчез в воде.

Слова легли между ними, простые и тяжёлые. Ветер протащил по настилу пучок соломы. Солома зацепилась за мокрый сапог Гната, а тот не заметил.

Рен достал кошель. Узел на шнуре затвердел от воды; пришлось разворачивать его ногтем. Металл пах кожей, маслом и грязью. Монеты пересыпались в ладонь, ударяясь друг о друга мелким звоном.

— Сначала доска, — сказал Рен.

— Сначала плата.

— Аванс за ремонт сейчас. Остаток после гвоздей и бруса.

Грузчики молчали. Один держал лом, другой — верёвку. Вода под настилом толкала щепки вверх. Течение менялось короткими порывами: то уходило от берега, то возвращалось и било в сваи. Паром накренился, край плаща Рена намок до колена.

Гарв поднял голос:

— Делайте. Сколько он требует за ремонт?

— Десять медяков сейчас и пять после работы, — ответил Рен. — Плата за повозки не входит.

Гнат вытянул руку.

Рен отделил десять монет и положил их на ладонь паромщика, остальные сжал в кулаке.

— Остаток после того, как брус встанет.

Гнат пересчитал полученное, не глядя на лица. Монеты темнели от речной грязи; песок забился в складки его кожи.

— За каждую телегу — отдельно, — произнёс он.

— Семь раз, — сказал Рен. — Один платёж за каждую. Не при каждом движении.

Гнат поддел большую медную монету ногтем, проверяя вес, и сунул аванс в карман рубахи. На грубой ткани проступило влажное пятно.

Гарв коротко кивнул грузчикам. Новый брус вытащили из-под навеса. Он был тяжёлый, мокрый, с белыми свежими зарубками на концах. Двое поднесли его к краю, третий поддел настил ломом. Вода хлынула в образовавшуюся щель, обдав сапоги серой пеной.

— Подними на палец, — сказал Рен. — Теперь сдвигай. Не отпускай лом.

Дерево вошло под доски с хрустом. Грузчики навалились плечами, верёвка на их руках врезалась до красных полос. Брус лёг снизу. Один из рабочих забил первый гвоздь, второй — следом. Шляпки расплюшились, доска перестала ходить под водой.

Течение снова толкнуло паром.

Первая лошадь рванула поводья, но ограничительный брус удержал колесо. Вода поднялась по доскам, облизала край плаща Рена и ушла, оставив серую пену. Вторую повозку закрепили за столб. Железо внутри тюков звякнуло, однако связка осталась на месте.

— Теперь можно вести третью? — спросил один из грузчиков.

— Нет, — сказал Рен. — Первый рейс ещё не закончен. Сначала вывести эти две на тот берег и вернуть паром пустым.

Гнат дёрнул канат. Паром отошёл от настила.

На обратном пути вода поднималась быстрее. Край бруса держался, но в средней доске появилась новая трещина. Рен провёл пальцами по дереву, не отрывая взгляда от линии воды. Трещина была тонкой, сухой внутри, с тёмными мокрыми краями.

— Второй рейс будет легче, — сказал Гарв, подходя к нему.

— Если течение не сменится.

— Оно уже сменилось.

Гарв указал кнутом выше по реке. Там, где утром виднелась отмель, вода теперь закрывала камни. Между кустами проступала узкая полоса твёрдого берега.

— Там есть брод, — сказал Рен.

Кнут опустился.

— Камни размыты.

— Ты проверял?

— Мне не нужно проверять всё, что видит каждый мальчишка с берега.

Гарв отвернулся. Ответ повис между ними влажным тяжёлым кафтаном. Под ногами паром вода била в днище; каждая волна отдавала в костях коротким нажимом.

На другом берегу первые две повозки сошли на глину. Колёса оставили глубокие следы, наполненные мутной водой. Грузчики закрепили упряжь, лошади опустили головы к траве. Рен не подошёл к ним: край плаща тянулся мокрой тяжестью, ладонь саднила, а кровь в царапине смешалась с ржавой пылью.

Паром вернулся.

Из-за подъёма воды прежний порядок пришлось изменить. Первоначальная схема из двух рейсов — две повозки в первом и пять во втором — больше не выдерживалась. Первый рейс всё-таки составили первая и вторая повозки, но второй пришлось разбить на два захода: сначала провести третью и четвертую порциями, затем пятую, шестую и седьмую, не перегружая просевшую середину.

Третью и четвертую подвели вместе, но между ними оставили просвет. Пятую, шестую и седьмую пока оставили на берегу. Рен проверил расстояние до бруса, велел снять один мешок сукна и положить его на край кузова, чтобы не давить на просевшую середину.

Грузчики перенесли мешок. Мокрая шерсть разбухла, зацепилась за рукавицы. Один человек потёр запястье, где верёвка оставила красный след.

Лодка у соседнего плёса ударилась о сваю. Звук прошёл через воду тонким металлическим щелчком.

На берегу остался лодочник, которого Рен не видел раньше. Мужчина держал весло обеими руками. Лопасть касалась воды, и на поверхности расходились два тонких кольца. Он не приближался к очереди, не помогал грузчикам, не спорил с Гнатом. На рукаве темнела вода.

Рен посмотрел на его лодку, затем на семь повозок, на закрытые кожухами связки и на железные обручи тюков.

Лодочник повернул голову.

— Семь телег, — сказал он. — Железа тридцать восемь с четвертью пуда, сукна и остального — сорок четыре. Всего восемьдесят два с четвертью.

Весло тихо скользнуло по воде. На открытой накладной стояли число повозок и общий перечень товара, но веса железа и общего груза там не было.

Цена ошибки

Рен встал у борта повозки. С досок ещё стекала речная вода: тонкие струйки сбегали по волокнам, собирались в чёрные капли и падали под колёса. Правая ладонь вцепилась в край. Дерево впилось в кожу, белые линии проступили под пальцами. В левой руке темнела дощечка с расчётами.

Между цифрами расхода овса и отметками веса зияла пустая полоса. Утренняя строка. Уровень воды — постоянная величина, занесённая в ведомость без оговорки. Теперь вода поднялась на два пальца, и второй рейс обошёлся каравану дорожке. Переплата съела половину дня.

Глина под сапогами держала плохо. Гарв подошёл молча, переставляя ноги коротко и тяжело, чтобы не поскользнуться. Вода захлюпнула один след, затем второй. Края кафтана потемнели от брызг, на голенище засохла коричневая корка.

Дощечка перешла из левой руки в его ладонь. Большой палец прошёл по строке, задержался на угольной черте. Дерево скрипнуло под ногтем. Ветер принёс запах мокрого железа, тины и конского пота; речная сырость забила в рукава, холодной плёнкой легла на кожу. Край повозки давил Рену под колени, ткань штанов набрала воду.

— Пересчитай заново, — сказал Гарв.

Ровный голос не поднимался над скрипом упряжи. В нём не было ни окрика, ни разрешения спорить.

Дощечка вернулась к Рену.

— Без переговоров до следующей стоянки.

Кивок вышел коротким. Горло сжалось, воздух прошёл внутри сухим, рваным толчком. Правая рука отпустила борт; на ладони остались красные полосы и влажный блеск. Дощечка легла на согнутое колено, уголь зажат между пальцами.

Старая строка исчезала медленно. Каждый нажим оставлял подушечку пальца серой. Уголь цеплялся за древесные поры, ломался мелкими крупинками, смешивался с речной пылью. Рен тёр дощечку краем ладони, пока от прежней черты не остался размазанный след. Вода продолжала стекать между досками, и капли попадали на цифры, распуская чёрное в серые разводы.

У третьей повозки Тошек переступил с ноги на ногу. Его сапог выдернулся из грязи с глумим чмоканьем. Улыбка показала зубы раньше голоса.

— Мальчишка устал считать, — бросил он. — Дай мне, я помогу.

Копыто рядом ударило в лужу. Брызги легли на колесо и край воза. Рен не поднял головы. Уголь коснулся доски ниже размокшей черты.

— Ну же, — продолжил Тошек. — Числа не убегут. Вода — другое дело.

Новая линия пошла под старой. Сначала уголь дрогнул: пальцы правой руки свело, запястье отозвалось тупой болью. Рен разжал кисть по одному суставу, распрямил большой палец, прижал его к ногтю указательного. Затем провёл черту снова. На этот раз она вышла ровной.

Под ней появились отдельные места для уровня воды, направления ветра и состояния колеи. Слова теснились на узкой дощечке. Вода. Ветер. Колея. Между ними оставались небольшие промежутки, чтобы новая отметка не срослась с расходом овса и весом груза.

Маря прошла мимо, прижимая к боку котелок. От него тянуло капустой, луком и горячим паром. Запах щей на миг вытеснил тину. Влажная шерсть её рукава задела край повозки, котелок качнулся, крышка звякнула. Маря придержала его локтем и пошла дальше, не оборачиваясь.

Караван не ждал.

Колесо первой повозки провернулось в вязкой колее, выплеснуло наружу тёмный комок глины. Вожжи натянулись. Лошадь дёрнула головой; железное кольцо в упряжи ударилось о дерево. Следом заговорили остальные колёса — низко, тяжело, с одинаковыми паузами. За каждым оборотом грязь поднималась на обод и оставалась там тяжёлым венцом.

Гарв направился к передней повозке. Сапоги утопали в земле до подошв, а вода сразу затягивала отпечатки. У первой колее он остановился, ткнул носком в рыхлый край и посмотрел на кусты, где темнел более твёрдый участок. Затем отдал возчикам короткое распоряжение держать строй и обходить размокшую впадину. Только после этого двинулся вперёд.

Рен прижал дощечку бедром. Край вдавился в ткань, оставил под ней жёсткую полосу. Тошек забрался на козлы третьей повозки и хлопнул ладонью по боку лошади. Животное не двинулось сразу. Копыто долго выбирало опору, затем провалилось в рыхлую землю. Повозка качнулась, доски отозвались протяжным стоном.

Рукава плаща отяжелели. Вода прошла через шерсть и рубаху, стекла вдоль позвоночника. Под лопатками ткань прилипла к коже; каждый шаг людей рядом отзывался в теле мелкой дрожью. Из-под колёс поднимался глиняный пар, смешанный с потом лошадей и запахом железа. Он оседал на лице, забирался под ворот.

Уголь раскрошился. Чёрная пыль легла на колени, забилась в складку у большого пальца. Рен смахнул её, но ладонь только размазала пятно. На коже проступили тёмные дорожки. Дощечка дрогнула от очередной вибрации: повозка сдвинулась на пол-аршина, край ударил в бедро, свежая линия пересеклась коротким серым пятном.

Пальцы остановились.

Сначала пришлось снять дощечку с колен. Затем — положить её на борт, удерживая левой рукой, пока правая разомкнётся. Без резкого рывка. Большой палец упирался в древесину, указательный отставал, средний не слушался и только подрагивал. По одному суставы вернулись в рабочее положение. Уголь снова лёг между пальцами.

Рен провёл новой линией поверх смазанного места. Теперь она шла ниже, свободно от края. Ровная. Достаточно глубокая, чтобы вода не стерла её первой каплей.

Передняя повозка скрылась за изгибом дороги. Тошек дёрнул плечом и натянул поводья. Лошадь наконец шагнула, колёса заскребли по глине. Караван потянулся дальше, оставляя у переправы тёмные колеи и сбитую настилом грязь.

Ветер протащил над повозками запах конского пота, мокрой шерсти и железа упряжи. Речная тина тянула из низины сладковатой гнилью. Пар оседал под рубахой, прижимал ткань к позвоночнику. Плащ набрал воды и стал тяжёлым; воротник давил на шею, холод стекал за пазуху тонкой дорожкой.

Правая ладонь легла на край дощечки. Шершавое дерево сорвало с пальцев речную пыль и угольную крошку. Под ногтем осталась чёрная полоса. Рен провёл большим пальцем по старой отметке. Дерево под ней было гладким, продавленным частыми прикосновениями. Утренняя цифра держалась на месте крепче всей переправы.

Вода поднялась.

Две отметки стояли рядом: одна — утренняя, одна — нынешняя. Между ними не было стрелки, предупреждения, короткого слова для перемены. Только ровные числа, выстроенные в спокойный ряд. Ровность лгала.

Поворот колеса отдался в доске. Дощечка дёрнулась, уголь сломался. Обломок отскочил на край повозки и застрял в мокрой щели. Рен подцепил его ногтем, вытащил, положил рядом с ладонью. Маленький чёрный кусок дрожал на каждом толчке.

Цифра не возникла сама. Утром он взял высоту воды с бечевы, сверил её с прежней отметкой и занёс в ведомость. Потом перенёс расстояние до брода, количество тягловых животных, вес груза. Расчёт вышел чистым. В нём не осталось лишнего знака, не сошлась только река.

Когда караван подошёл к переправе, колёса провалились глубже расчётной линии. Вода поднялась к ступицам, течение потянуло боком. Перевозчики потребовали доплату. Гарв спорил, Тошек ругался, люди разгружали часть тюков на мокрый настил. Пока искали дополнительные деньги и меняли порядок повозок, солнце ушло за серую полосу туч. Полдня пропало в воде, глине и чужих ладонях, пересчитывавших монеты.

Рен провёл ногтем от старой строки к новой. Между ними не хватало не цифры. Не хватало времени.

Гарв остановился у передней повозки. Плечи его были подняты, плащ тёмно блестел от дождя. Вожжи свисали с его руки, концы волоклись по грязи и оставляли две тонкие борозды. Лошадь переступила, расплескала лужу. Вода ударила в сапог Гарва, но тот лишь подтянул повод.

Рен сжал уголь. Острый край впился в подушечку пальца. На коже выступила тёмная точка, растворилась в воде.

Гарв отстранил его от переговоров не за один знак. Причина лежала в промежутке между записью и наблюдением. Рен оставил за собой числа и отдал другому человеку место, где числа превращались в решение. Теперь переговоры до следующей стоянки принадлежали Гарву.

Сначала эта передача казалась временной мерой, снятой с него чужой рукой. Но рука была его собственной: он сам не пошёл следом, не стал доказывать расчёт, не вытащил из памяти цепочку промежуточных значений. Дощечка лежала на коленях, пока Гарв проверял дорогу впереди.

Рен поднял обломок угля и поставил под прежней строкой короткую метку.

«Уровень воды».

Слова заняли больше места, чем цифра. Ровный ряд пришлось сдвинуть. Расстояние до брода ушло правее, стоимость переправы — ещё правее. Поля стало мало. Рен стёр краем ладони часть старого расчёта, размазал чёрные линии, заново провёл границу. Уголь смешался с влагой и превратился в серую кашу.

К новой строке он добавил ещё две.

«Погода».

«Дорога».

Место осталось только для коротких отметок. Не постоянные величины, а признаки движения: поднялась, размокла, просела, держит, не держит. Каждый знак требовал наблюдения в тот момент, когда караван к нему подходил. Утреннее число больше не могло заменить полу-денное.

Лошадь рванула повод. Передняя повозка качнулась, цепь звякнула, деревянные борта ударились друг о друга. Рен прижал дощечку локтем, чтобы она не соскользнула. Сырой край впился в кожу. Уголь покатился к щели, остановился у большого пальца.

Впереди Гарв поднял руку, показывая возчикам держать строй. Голос его не достиг Рена: ветер унёс слова к реке. Зато движение прочиталось без записи. Гарв сначала посмотрел на колею, затем на воду у обочины, после этого указал на твёрдый участок под кустами. Решение родилось из того, что менялось прямо под ногами.

Рен опустил взгляд.

На доске новая строка пересекала старую систему. Раньше каждое число занимало отдельное место и обещало неподвижность. Теперь рядом с ним появилась отметка состояния, а под ней — пустая клетка для следующего наблюдения. Пустота требовала возвращения. Она не давала расчёту закрыться слишком рано.

Пальцы затекли. Рен разжал левую руку по одному пальцу: мизинец, безымянный, средний, указательный. Большой не слушался, сустав побелел от нажима. Он согнул его, распрямил, снова поставил на доску. Кожа на костяшке разошлась тонкой красной полосой. Кровь смешалась с углём, и новая метка стала бурой.

Дыхание шло короткими толчками. Влажный воздух протискивался под плащ, давил на грудь. Каждый вдох цеплялся за мокрую ткань. Рен отвёл плечи, освободил горло, медленно втянул воздух носом. В нём были тина, навоз, ржавое железо и холодный дым от костра, который ветер гнал с берега. Грудь поднялась. Плащ натянулся на спине. Следующий вдох оказался не легче.

Тошек возился с ремнём на тюке. Усмешка исчезла с его лица, но в уголке рта осталась складка. Скрип кожи и короткое фыркание лошади доносились сквозь дождь.

— Новая наука? — спросил Тошек.

Рен провёл линию вдоль края доски. Уголь оставил прерывистый след.

— Новая строка.

— Строки обычно не требуют денег.

Тошек потянул ремень. Узел затрещал.

— Деньги потребовала старая.

— Тогда оставь ей место рядом с водой.

Рен не ответил. Слова Тошека легли на доску тяжёлым пятном, не изменив расчёта. Ветер подхватил край его плаща, распахнул ткань, показал мокрую рубаху. Тошек придержал полы локтем и отвернулся к тюку.

За кустами река несла ветки. Одна застряла у камня, покачалась, сорвалась и поплыла дальше. Вода меняла берег без шума, откусывая глину тонкими пластами. На глазах исчезал край тропы, по которой утром прошли люди.

Рен поставил рядом с отметкой воды маленький крест.

Не значение. Предупреждение.

Под ним он записал время — не час, не точную долю, а положение каравана относительно переправы: после перехода, до следующей стоянки. Сведения о месте должны были жить рядом с числом. Иначе число снова оторвётся от земли.

Гарв двинулся вдоль строя. Его сапог зацепился за скрытый корень, нога ушла в грязь до щиколотки. Он удержался, вцепившись в борт повозки. Дерево глухо хрустнуло под пальцами. На мгновение плечо Гарва напряглось, затем он выпрямился и вытер ладонь о плащ.

Рен заметил это раньше, чем успел записать.

Рукав Гарва потемнел. На левом сапоге налипла глина. Шаг стал короче. Следующую остановку следовало считать не только по расстоянию: состояние людей и животных тоже менялось. Запись потребовала ещё одного пустого места.

Клетка осталась незаполненной.

Пустые клетки раздражали сильнее ошибки. Они не давали спрятать неизвестное под точным числом. Ровная ведомость закрывала вопрос; новая ведомость оставляла его открытым, пока наблюдение не появится.

Тошек обернулся через плечо.

— Теперь в твоей книжке грязи больше, чем цифр.

Рен не ответил. Уголь под пальцами рассыпался серой пылью, забился в складки кожи. На дощечке появилась новая строка: уровень воды, направление ветра, глубина колеи. Запястье дрожало, но линия вышла ровной. Вода стекала между досками, унося мелкие щепки; каждая струйка оставляла на дереве блестящий след.

Утром река была для него одной отметкой. Число легло в ведомость, получило место среди прочих чисел и сохранило вид неподвижной вещи. За несколько часов вода поднялась, переправа подорожала, караван потерял половину дня. Арифметика не дала сбой. Сбой случился раньше — в месте, где наблюдение превратилось в предположение.

Гарв стоял у первой повозки. Между ними тянулся мокрый двор, изрытый копытами и колёсами. Дощечка легла на колени; обе руки освободились, и край ладони прошёлся по старой

отметке. Уголь расплылся тёмными полосами. Влажный воздух пробрался под плащ, прилип к рубашке, сжал кожу на груди. Дыхание стало коротким: вдох, задержка, выдох.

У котелка Мари поднимался пар. Запах щей прошёл рядом с Реном, смешался с речной тиной и дымом мокрых дров. Желудок свело, но взгляд удержался на строке. Большой палец провёл по свежей черте, проверяя нажим. Дорога менялась под колёсами, вода — под берегом, груз — с каждой перестановкой тюков. Ведомость должна была принять и это.

Переговоры до следующей стоянки теперь оставались за Гарвом. Рен опустил руку вдоль тела. Ладонь была холодной, влажной, чёрной от угля. Объяснение застряло во рту и не вышло наружу: его прежних строк для него самого оказалось достаточно, для дороги — нет.

Велес приблизился со стороны борта. Мокрый рукав задел верёвку, та качнулась и ударила по дереву. Велес остановился, не касаясь дощечки. Пальцы его легли на бок, согнулись и разжались.

— Покажи расчёт.

В голосе не было насмешки. От этого просьба стала тяжелее.

Рен поднял дощечку, но не протянул. Сначала прикрыл большим пальцем стёртую отметку, затем убрал руку. Серые разводы пересекали старую строку; новая шла ниже, отдельно, с короткими знаками сбоку.

Велес наклонился. Его взгляд скользнул по первой цифре, задержался на второй, перескочил к краю дощечки. Слишком быстро для человека, который впервые видел эти обозначения.

— Вода здесь? — спросил он.

Рен кивнул.

— Ветер — рядом. Колея — ниже.

Велес произнёс это без паузы, уже не спрашивая. Кончик его пальца завис над строкой, не касаясь угля.

— Ты разделил постоянное и то, что меняется.

Дощечка тяжело лежала в руках. Ветер потянул с реки холодом, и тонкая струя просочилась между досками, ударила Рену в сапог. Вода осталась там, под кожей и шерстью, вдавливаясь в носок.

— Разделил поздно, — сказал Рен.

Велес поднял глаза.

За первой повозкой скрипнуло колесо. Гарв что-то коротко ответил возчику; голос дошёл обрывком, затих в тумане. Рен провёл ногтем по краю дощечки, срезая налипший уголь.

— Переговоры я больше не веду, — произнёс он. — До стоянки. Гарв ведёт.

Велес не стал спорить. Только ещё раз посмотрел на ведомость — уже не на числа, а на промежутки между строками.

— Дай взглянуть внимательнее.

Записка под тентом

Рукав плаща прилип к запястью. Вода с берега поднялась тонкой плёнкой, вошла в шерсть и потянула ткань вниз. Рен стоял у третьей повозки, вцепившись левой рукой в край борта. Дерево под ладонью разбухло, стало шершавым; острая щепка вошла в кожу и не отпустила. Кровь смешивалась с речной влагой.

Ночь опускалась над рекой. Над равниной ещё держался остаток света — серый, беззвёздный, холодный. Под тентом шевельнулась тень. Тошек вышел наружу.

Сапоги ступали коротко и осторожно. Грязь принимала подошвы с мягким хлопанием. Мимо костра Маря переворачивала котелок длинной ложкой. Из-под крышки вырвался пар; запах щей смешался с речной тиной, мокрыми дровами и жиром, осевшим на чёрном железе. Маря поддула на огонь, прикрыла его ладонью и отвернулась к котелку.

Тошек не оглянулся.

Рука скользнула под плащ. Показался свёрнутый клочок бумаги. Сырость уже ввела в него: края потемнели, слои слиплись, угольная запись проступала пятнами. У сваи Тошек остановился перед лодкой, привязанной к низкому колу. Верёвка уходила в тёмную воду и держала лодку у берега; на носу виднелась свежая потёртость, а под кормовой скамьёй темнел плоский камень. Лодка принадлежала ожидающему посреднику. Самого человека не было.

Тошек наклонился, просунул свёрток под мокрый край скамьи и прижал камнем. Лодка качнулась, верёвка натянулась, борт тихо ткнулся в сваю.

Гарв вышел из-за первой повозки. Его сапог зацепил верёвку, протянутую от стойки тента. Та натянулась и хлестнула по колесу. Дерево отозвалось; дрожь прошла по ободу, по оси, по всему строю повозок.

Тошек застыл.

Гарв схватил его за ворот. Шов треснул. Возчик рванулся, но рука уже выворачивала ему плечо назад. Вторая ладонь прижала Тошека к борту. Кожа на запястье побелела, пальцы разошлись и беспомощно царапнули мокрую доску.

Рен отнял ладонь от края. Острый скол раскрыл кожу у большого пальца; кровь вышла тонкой полосой и сбежала к суставу. Он подошёл к свае, поднял камень из грязи и достал записку. Бумага поддалась с влажным хрустом. На сгибе остался песок.

Гарв рывком развернул Тошека к костру.

— Что передал?

Голос оставался низким. В нём не было подъёма, только ровное давление, от которого у возчика дёрнулась щека.

Рёбра под мокрой рубахой пошли неровно. Тошек попытался разжать пальцы, но хватка Гарва стала теснее. Под кожей запястья выступила кость; сустав сухо хрустнул.

— Сроки стоянок, — выдавил Тошек. — Только даты. Чтобы знать, когда подойти.

Рен раскрыл свёрток на ладони Гарва. Бумага разошлась по шву. На внутренней стороне проступили цифры, неровные, нанесённые углём.

Восемьдесят пудов железа.

В ведомости Рена стояло восемьдесят два и четверть. Это был установленный вес партии железа, погруженной в третью повозку. Расхождение лежало на мокрой бумаге, простое и чёрное.

Тошек отпрянул. Спина ударилась о борт. Дерево ответило глухим стуком.

Ильмар вышел из-за четвёртой телеги. Руки он держал в карманах, но взгляд не отрывался от записки.

— Бей — и всё, — бросил он. — Выгонишь — потеряем единственный след. Получатель исчезнет, а вместе с ним исчезнет и следующий человек в цепи.

Пальцы Ильмара легли поверх рукояти ножа. Он не вытаскивал оружие, только прижимал большой палец к коже наверху.

Гарв не ударил.

От Тошека тянуло кислым потом, речной гнилью и мокрой кожей. Волосы прилипли ко лбу. По виску скатилась вода, задержалась у уха и ушла под ворот. Возчик смотрел в землю, а грязь под его сапогом медленно раздвигалась от тяжести ноги.

— Я продавал сроки, — сказал он. — Только сроки. За дополнительную плату.

— Кому?

— Человеку с лодки.

— Имя.

— Не назывался.

Гарв поднял записку к огню. Уголь размазался по его пальцам. На обратной стороне проступил узкий отпечаток, с плотной мозолью у ногтя. След не совпадал с рукой Тошека: у возчика ногти были обломаны, под ними чернела грязь, а этот палец оставил ровный сухой край.

— Ты каждый раз встречался с безымянным человеком?

— Не каждый. Два раза.

— Где?

— У старой переправы. Потом здесь.

На воде качнулась лодка. Верёвка натянулась у кола, коротко скрипнула. Получателя не было видно. Тёмная вода скрывала противоположный берег, а лодка оставалась у сваи, привязанная для того, кто должен был прийти позже.

— Ты оставлял записки? — спросил Рен.

Тошек перевёл взгляд на него.

— Под камнем. У старой сваи. В стороне от костра.

— И не видел, кто забирал?

— Не видел.

Ильмар вынул руку из кармана.

— Вот уже больше, чем «только даты».

— Он передал сведения, — сказал Рен. — Но неизвестно, был ли этот лист конечной передачей.

— Есть цифра.

— Неверная цифра для партии железа.

— Для того, кто её получил, ошибка тоже сведения.

Рен сжал пальцы. Порез отозвался сухим уколом, и хватка ослабла. Кровь выступила снова.

— Именно поэтому нельзя бить его сейчас.

Гарв повернул к нему голову.

— Ты предлагаешь оставить рядом человека, который уже продал нас?

— Под наблюдением. До следующей передачи.

— А если он предупредит?

— Тогда увидим, куда пойдёт предупреждение.

— А если за ним придут раньше?

— Тогда его заметят Гарв и Ростик.

Из-за тени первой повозки вышел Ростик. В руке он держал топор. Лезвие скользнуло у края плаща Тошека, оставив на ткани одну влажную полосу. Возчик замер. Ростик увидел след, перевернул топор рукоятью вперёд и передал его стоявшему за спиной вознице. Затем отошёл от Тошека на шаг.

— Я буду смотреть за его руками, — сказал Ростик.

— И за водой, — добавил Рен. — Если посредник вернётся, ты увидишь его раньше, чем он подойдёт к тентам.

Гарв всё ещё держал Тошека за ворот. Мокрая ткань врезалась в шею, разорванный шов впрыскивал холод. Плечо возчика мелко дрожало, но глаза оставались сухими.

— Ложные данные, — сказал Рен. — В следующую записку Тошек положит отдельную цифру: восемьдесят пудов для этой партии. Настоящий вес ему не сообщать. Гарв и Ростик проследят за ним от стоянки до воды и обратно. Я отмечу место и час, затем сравню возможную реакцию с маршрутом обоза. Если противник изменит путь, задержит людей у переправы или начнёт искать другую повозку, мы получим направление, не подставляя весь караван.

— Ты предлагаешь кормить того, кто водит нас за нос?

— Предлагаю дать ему приманку, которую уже успели получить. Ошибка покажет, что именно проверяет их человек.

— А если ошибка приведёт их к засаде?

Рен посмотрел на колёса третьей повозки. Они стояли на сухом возвышении, в стороне от главной колеи. До следующего перехода обоз не должен был менять порядок; известный противнику вес относился только к партии железа, а не ко всему грузу.

— В маршрут это число не войдёт, — сказал он. — Перед переходом я сверю колеи, мост и порядок повозок. Если появится чужое движение, мы остановим передачу.

Ильмар шагнул вперёд.

— Ты говоришь о приманке, а не о безопасности. Неизвестный получатель может понять, что Тошек исчез, и ударить по каравану раньше, чем мы дождёмся его реакции.

— Поэтому Тошек остаётся здесь, — ответил Рен. — Не исчезает, не бежит и не знает настоящего веса. Гарв следит за ним днём. Ростик — ночью. Я отвечаю за ложную цифру и за то, чтобы она не изменила маршрут.

Гарв медленно разжал пальцы. Ворот Тошека упал на грудь, мокрая ткань прилипла к коже. Возчик не упал: колено ушло в грязь, ладонь упёрлась в землю. Попытка вытащить сапог только глубже вдавила каблук.

— Ты берёшь это на себя? — спросил Гарв.

— Да.

Слово осталось между ними. Костёр просел, полено лопнуло изнутри, две искры поднялись и погасли над водой.

Тошек поднял лицо. На нижней губе выступила кровь: зубы прорезали её во время рывка.

— Я не знал, кто забирает, — сказал он. — Мне платили за то, чтобы обоз стоял там, где обещано. Больше ничего.

— Сегодня сроки, — произнёс Ильмар. — Завтра дорога.

— Я не продавал дорогу.

— Пока нет доказательств обратного.

Тошек сглотнул. Под кожей на шее прошёл толчок. За тентом лошадь пережёвывала мокрое сено; жёсткие волокна хрустели в зубах, и этот спокойный звук не совпадал с теснотой прохода между телегами.

Гарв наклонился к возчику.

— Если попробуешь уйти, Ростик свяжет тебя до рассвета. Если снова оставишь записку без приказа, получишь не разговор. Если передашь настоящую цифру, первой остановится твоя повозка.

Тошек кивнул. Подняться ему удалось не сразу: сначала ладонь соскользнула по доске, затем колено нашло твёрдый камень, потом сапог вырвался из грязи с хлопаящим звуком. На голенище осталась чёрная полоса.

— Ты будешь вынужденным двойным агентом, — сказал Рен. — Отныне им ты показываешь то, что мы решим. Нам — каждое слово, которое они передадут тебе.

Тошек вытер кровь с губы тыльной стороной руки. Красный след лёг поверх грязи.

— А если они узнают?

— Тогда ты скажешь, что испугался и решил заработать ещё.

— И вы поверите?

— Нет, — сказал Гарв. — Но пока ты будешь жив, мы сможем проверить рассказ.

Ильмар повернулся к реке. Влажный плащ задел верёвку между стойкой тента и бортом повозки. Деревянная пряжка на ремне ударилась о стойку коротким сухим звуком. Верёвка качнулась, капли сорвались с ткани и упали на доски.

— Нельзя превращать весь обоз в приманку, — сказал он. — Если заметишь первый признак слежки, прекращаешь опыт. Не ждёшь второй записки ради доказательства.

— Согласен, — ответил Рен.

— И если лодка уйдёт?

— Записка остаётся в условленном месте. Получатель может забрать её без встречи. Мы не пойдём следом в воду.

Гарв посмотрел на лодку. У носа поблёскивала мокрая верёвка, обмотанная вокруг кола. На дне лодки темнели следы весла, свежие, не размытые дождём. Кто-то приходил сюда до Тошека и оставил плавучее укрытие для следующего визита.

— Ростик, — сказал Гарв. — До рассвета стоишь у дальнего края стоянки. Не у воды: там тебя увидят. Следи за лодкой и за тропой от камыша.

Ростик кивнул и взял топор за середину рукояти.

— Тошек спит под тентом третьей повозки, — продолжил Гарв. — Между Марей и Реном. Выходить только по нужде, о которой сообщит мне.

— Я не стану спать, — сказал Тошек.

— Это не просьба.

Рен подошёл к нему и осмотрел ворот. Шов разошёлся, но кожа на шее не была рассечена. На запястье остался красный след от хватки Гарва. Рен хотел поднять руку, однако порез на большом пальце отозвался резкой болью; пальцы непроизвольно разжались.

Тошек заметил движение.

— Сам справлюсь.

Он подтянул ворот и завязал разошедшийся край ремешком. Узел вышел кривым. С первой попытки пальцы соскользнули, со второй ремешок затянулся слишком туго, и Тошек дёрнул его зубами. Дыхание стало ровнее, но плечи остались поднятыми.

Маря сняла котелок с огня. Пар прошёл по лицам, принёс запах капусты, жира и мокрой золы. Она разлила щи по мискам, одну оставила у края костра.

— Ешь, — сказала она Тошеку.

Взгляд Тошека задержался на миске. Ложка лежала рядом, покрытая блестящей плёнкой. Возчик не двинулся.

— Потом.

Маря поставила миску на перевёрнутый ящик и вернулась к огню. Ложка в её руке снова вошла в котелок, круг за кругом раздвигая густую поверхность. Вокруг продолжалась обычная подготовка к ночёвке: кто-то подтягивал ремень, кто-то поправлял мокрый тент, лошадь пережёвывала сено. За рекой темнели камыши. Внешний берег жил своей тихой жизнью, не зная, что одно число уже стало приманкой.

Рен отошёл от воды к третьей повозке. На доске осталась его кровь — тёмная полоса, распущенная влагой. Он вытер ладонь о внутреннюю сторону плаща, но ткань сразу прилипла к коже. Каждый сгиб большого пальца отзывался болью, и это мешало удерживать ремень. Рен перехватил его другой рукой, затянул узел на тенте и проверил, не ослабла ли стойка.

Гарв остался у Тошека.

— Повтори.

— Даты стоянок. Неверная цифра — только по приказу. Никому не говорить о разговоре.

— Кому передашь?

— Посреднику с лодки. Если он не появится, оставлю записку под камнем у сваи.

— Время?

— После второй смены караула.

— Нет, — сказал Рен. — После третьей. Перед рассветом вода поднимется, следы на берегу расплывутся. Гарв и Ростик будут на местах раньше тебя.

Тошек кивнул.

Ильмар задержался рядом с Реном, пока остальные расходились.

— Ты действительно веришь в эту цифру? — спросил он.

— Нет.

— Тогда во что?

Рен посмотрел на дальний берег. В камышах не было огня, только тонкие движения верхушек под ветром.

— В то, что человек, который собирает сведения, использует не одну ошибку. Если он ждёт веса, он проверит цифру. Если ему нужны сроки, он проверит стоянку. Если ему нужен маршрут, он заставит нас выбрать между мостом и бродом.

— А если он уже всё проверил?

— Тогда утром мы увидим не его, а след.

Ильмар провёл пальцами по ножнам.

— Слишком дорогая проверка.

— Поэтому я отвечаю за неё.

— Ответственность не остановит стрелу.

— Но остановит нас от удара вслепую.

Ильмар ничего не ответил. Он отступил к четвёртой телеге и занял место, откуда просматривались костёр, тенты и береговая тропа. Маря убрала миски под навес. Ростик ушёл в тень за последней повозкой. Гарв посадил Тошека на ящик и встал напротив, скрестив руки.

Ночь стусилась.

Вода перестала блестеть. Лодка у сваи медленно разворачивалась на натянутой верёвке, носом к течению. Под скамьёй, прижатая камнем, лежала первая записка. Никто не подошёл к ней. Ни шагов по отмели, ни всплеска весла не появилось.

Тошек сидел неподвижно. Его челюсть двигалась: он жевал кусок хлеба, который Маря сунула ему перед уходом. Рен смотрел на этот медленный труд зубов, на то, как хлеб исчезает, как горло поднимается и опускается. В миске у костра остывали щи, на поверхности застыл жир.

Гарв не спускал глаз с возчика.

— Если заснёшь, — сказал он, — Ростик разбудит.

— Не засну.

— Это уже говорил.

За тентом скрипнуло седло. Лошадь повернула голову, ремень натянулся, железная пряжка стукнула о дерево. Ростик появился на краю света и поднял два пальца: на берегу ничего не было.

Рен кивнул.

Так прошёл первый час. Потом второй. Дым опустился ниже, одежда напиталась копотью. Холод прошёл через сапоги, поднялся к коленям. Маря укрыла котелок крышкой. Гарв сменил положение, но не отошёл. Тошек не попросился наружу.

Перед рассветом Рен поднял его.

— Теперь.

Гарв встал первым. Ростик уже ждал у тёмной стороны последней повозки. Они двинулись без огня: Гарв держался за Тошеком на расстоянии двух шагов, Ростик уходил шире, к кустам и тропе. Рен пошёл следом до сваи, затем остановился у края воды. Порез на руке снова раскрылся, когда он отодвинул мокрую ветку, но боль теперь была ровной и терпимой.

Тошек достал второй свёрток. Рен заранее дал ему бумагу и уголь. На листе стояла та же ложная цифра — восемьдесят пудов для партии железа. Ни слова о маршруте, ни отметки о составе обоза.

Возчик просунул бумагу под камень. На этот раз лодка оставалась пустой. Верёвка была обмотана вокруг сваи дважды; узел затянули недавно, волокна ещё не разбухли. Тошек коснулся его пальцами, но не развязал.

В камышах хрустнула ветка.

Гарв поднял руку. Ростик присел за корнями и прижал ладонь к топорищу, не вынимая оружия. Тошек застыл у воды. Рен слышал собственное дыхание: короткий вдох, пауза, выдох. Затем в камышах плеснула рыба, и круги разошлись по чёрной поверхности.

Никто не вышел.

До рассвета они вернулись к стоянке. Тошек сел под тентом третьей повозки. Гарв занял место у колеса. Ростик остался на дальней стороне, где береговая тропа уходила к камышам. Рен проверил порядок телег, ремни и следы у костра. Ложная цифра лежала у воды, а настоящая оставалась только в его ведомости.

Свет пришёл бледный, с запахом сырой травы и золы. На дальнем берегу проступили камни, корни и полосы ила. Лодка исчезла. Верёвка свисала с кола в воду, конец её был обрезан чисто, без распущенных волокон.

— Её забрали ночью, — сказал Ростик.

На отмели виднелась цепочка следов. Три отпечатка уходили от воды к камышам, затем обрывались на влажном песке. Дальше земля была покрыта тонкой рябью, оставленной подъёмом реки.

Гарв посмотрел на Рена.

— Записки нет.

Под свайей остался только камень. Его нижняя сторона была мокрой, на песке темнел свежий след пальцев.

Ильмар подошёл последним. Он остановился у края воды и поднял взгляд к дальнему берегу.

В камышах, выше по течению, на сером прибрежном камне появилась отметка. Две короткие черты пересекались под острым углом; рядом темнела точка, поставленная углём или смолой. Вчера вечером камень был чист.

Ростик наклонился, но не ступил в воду.

— Это не от лодки, — сказал он.

Гарв ничего не ответил.

Рен сжал повреждённую руку. Пальцы сомкнулись не полностью: боль остановила движение на середине. За спиной просыпался караван — поднимались тенты, звенели удила, Маря раздувала погасший костёр. Перед ним на дальнем берегу стояла новая отметка.

Получатель не пришёл.

Рен мог лишь предположить, что записка дошла. Кто-то прочёл её — либо хотел, чтобы они так подумали.

Груз, который нельзя намочить

Рен опустил ладонь на край тюка. Шерсть под пальцами отозвалась холодной липкостью: нити сцепились в плотные комки, вода забралась между ними и осталась на коже тонкой плёнкой. К лицу поднялся запах плесени — кислый, тяжёлый, с железной горечью ржавчины. Большой палец прошёл по шву. Под наружным слоем ткань хлюпнула, и на ногтевой пластинке выступила мутная капля.

Вторая рука лежала на соседнем бочонке. Под железным обручем соль набухла белой коркой; мелкие кристаллы с сухим шорохом осыпались на доски повозки. Там, где они падали, грязь разбегалась тонкими ручейками. Дерево темнело под ними, впитывая солёную воду.

Гарв стоял у первой телеги и проверял крепление. Кожаный ремень проходил у него между ладонями, натягивался, поскрипывал. Рен приблизился, не убирая руки с груза. Холод поднимался от мокрых досок через подошвы, забирался в колени. Пальцы левой руки дрожали мелкой частой дрожью; пришлось прижать их к шерсти, чтобы они не сдвинули край ткани. Один участок за другим проступал под ладонью: мокрый шов, суховатая середина, снова мокрый низ.

Сукно на второй повозке потемнело по нижнему краю. В третьей железные полосы покрылись рыжими точками. Стоило провести по ним ногтем, и на коже оставался красный порошок. У одного соляного бочонка у самого дна блестела тонкая струйка. Она текла медленно, беззвучно, растворяя пыль на досках и оставляя после себя извилистые белые края.

— Три часа на осмотр и первую просушку, — сказал Рен. — На весь груз нужно четыре. Если не остановить влагу, соль растворит обручи, а сукно может потерять до трети веса.

Гарв не повернул головы. Ремень в его руках натянулся, пряжка коротко ударила по дереву.

Рен ждал ответа. Ветер прошёл между повозками, забрался под ворот мокрого плаща и прижал ткань к спине. Под рубахой кожа сжалась от холода; плечи сами потянулись вверх. Нога скользнула на влажной доске, каблук упёрся в край, удерживая тело. Отступить Рен не стал.

— Три часа, — повторил он тише. — Потом дорога.

Гарв затянул ремень ещё на одну дыру. Металл заскрежетал по пряжке.

— Дорога не ждёт.

— Груз тоже.

Между ними остался запах мокрой шерсти. Гарв поднял подбородок к лесу. Тёмная полоса деревьев начиналась за стоянкой; ветви там шевелились разом, и оттуда уже тянуло влажной землёй. Через три дня этот груз должен был выйти с другой стороны. На первом же переходе вода доберётся до середины тюков, если оставить всё так.

Маря подошла с ведром. От воды ещё шёл пар. Тёплый влажный воздух коснулся лица, смешался с запахом мокрого железа и солёной древесины. Маря поставила ведро у борта, придерживая ручку двумя пальцами, чтобы не расплескать воду на доски, и ушла обратно к костру.

Костёр потрескивал за её спиной. В котле что-то тяжело переворачивалось, крышка подрагивала на ободке. Маря наклонилась к огню, подбросила полено, потом расправила на камне полосу ткани. Её челюсть двигалась медленно и ровно. Рен задержал взгляд на её руках. Маря жевала, не прекращая работы, и прижимала ткань к шву, выгоняя воду. Он передвинулся ближе и освободил ей место у тюка.

Рука опустилась в ведро. Тепло проникло под ногти, раздвинуло холод в суставах. Вода пахла золой и кипячёной тканью. Рен вынул ладонь, стряхнул капли и вытер её о край тюка. Шерсть сразу забрала влагу, но не всю: поверхность стала чуть мягче, глубинная сырость осталась.

Из-за пояса появился костяной стержень. Конец был заточен; на белой поверхности сохранились следы прежних оттисков — тонкие борозды, белевшие под серым небом. Рен зажал стержень между большим и указательным пальцами, прижал к шерсти и повёл прямую черту.

Кость цеплялась за волокна. Сначала линия вышла неглубокой, потом стержень провалился в мокрый слой. Рен изменил нажим, вывел дугу и замкнул её в овал. Пальцы правой руки уже не слушались с прежней точностью. В запястье застряла тупая боль, от неё мелко подрагивал локоть.

Контур не замкнулся с первого раза. Между концами осталась узкая щель.

Рен провёл по ней ещё раз. Кость скользнула, оставила рваный след. На шерсти выступила тёмная влага, смешанная с белёсой пылью от стержня.

На соседнем бочонке он вывел второй овал. Железный обруч упирался в ладонь неровным краем, холодным и шершавым. Давление пришлось увеличить. Кость скрипнула. Соль под обручем осела с сухим хрустом.

Третий оттиск прервался. Стержень соскользнул в сторону, и в оболочке осталась короткая царапина вместо линии.

— Сколько нужно? — спросил Гарв.

Ремень всё ещё лежал у него на плече. Он подошёл ближе, остановился у колеса, не касаясь тюка. На его сапоге темнела полоса грязи, под каблуком хрустел солью влажный песок.

— Четыре часа на все тюки. И место, где нет ветра.

— Три часа. Только на часть груза.

Рен кивнул.

— Тогда часть.

— Остальное пойдёт в лес как есть.

Рен развернул ладонь над тюком. Между пальцами и кожей шерсти осталось несколько вершков воздуха. Холод просачивался через трещины на костяшках; суставы свело, большой палец едва согнулся. Костяной стержень снова лёг на ткань.

Прямая черта. Поворот. Дуга. Замыкание.

Тепло пошло от кости в шерсть медленно, узкой дорожкой. Влажный ворс темнел, затем светлел, распрямлялся. Сухая полоса шириной в два пальца вытянулась под контуром. Плесень подняла к лицу кислый пар. В горле защипало, к металлической горечи ржавчины прибавился вкус старой золы.

Правая рука дрожала. Рен зафиксировал запястье левой ладонью и продолжил вести стержень. Дуга сомкнулась. Внутри овала шерсть осталась сухой только у края; середина сохраняла холодную тяжесть воды.

— Так не пойдёт, — сказал Гарв.

— Пойдёт для части.

— Остальное?

— Обычная упаковка.

Маря вернулась с сухой тканью. Полоса была выжата не до конца; при каждом движении с неё падали тёплые капли. Маря положила ткань на край тюка и прижала ладонью, выгоняя воду к нижнему шву. Рен передвинулся, освобождая ей место.

— Не на печать, — сказал он.

Маря посмотрела на костяной стержень, потом на ведро.

— Для рук?

Кивок вышел коротким. Рен опустил ладонь в воду. Тепло проникло под ногти, размягчило корку соли на коже. Он вынул руку, вытер её о шерсть, и на ткани остался влажный отпечаток пальцев.

Маря забрала ведро ближе к тюку. Пар закрыл её лицо до бровей. Сквозь него видны были только тёмные ресницы и край щеки; костёр позади мерцал жёлтыми пятнами. Она не спрашивала, откуда взялся приём. Рен тоже не объяснял. В Карсане Рен освоил этот приём и там же получил костяной стержень, подходящий для таких контуров. Карсан остался за дорогами, за дождями, за чужими стенами. Здесь ему требовались только четыре слова, сказанные Гарву: время, материал, силы, предел.

Следующий контур лёг на бочонок. Кость вошла в шероховатую поверхность обруча, оставляя светлый след. Рен нажимал медленно, не позволяя линии уйти в сторону. Внутри бочонка соль оставалась сухой; снаружи последние кристаллы продолжали падать на доски. Белые дорожки пересекались под его сапогами.

Гарв вернулся к первой телеге. Ремень снова оказался у него на плече. К стойке ремень ходил натянуто: Гарв проверял его, отпускал и снова затягивал. Пряжка каждый раз ударяла по дереву с одинаковым сухим звуком.

Рен закончил второй контур. Тепло от кости прошло по краю ткани, оттесняя сырость наружу. Запястье налилось тяжестью. Боль протянулась к локтю, пальцы начали терять чувствительность один за другим: сначала мизинец, затем безымянный, затем средний. Указательный ещё удерживал стержень.

Маря накрыла сухой тканью следующий край. Полоса легла поверх шерсти, скрыла часть пятна, но вода уже выступила через неё тёмными точками. Она прижала ткань локтем, освободив обе руки, и потянула край к себе. Сукно натянулось. Капля сорвалась с нижней складки и упала в соль на доске.

Промежуточные промывания слились в один мокрый ритм: рука уходила в ведро, смывала серую пыль, вытиралась о плащ или край тюка и возвращалась к контуру. Вода быстро остывала, кожа белела, а соль снова забивалась под ногти. К следующему тюку пальцы уже не различали тепла ведра.

Маря поставила ведро ближе. Вода в нём успела остыть, и ветер разбивал её поверхность мелкой рябью. От края ведра тянуло железом, мокрой золой и травой. Рен опустил руку, вытер ладонь о внутреннюю сторону плаща и подвинулся к седьмому тюку.

Сукно под пальцами было холодным и тяжёлым. Влага сидела в нём не поверхностью: она забралась между нитями, набухла там, отдавала кислым запахом плесени. Костяной стержень оставлял на шерсти бледную вдавленную дорожку. Рен замкнул овал, задержал наконечник на месте соединения и дождался, пока тепло разойдётся от линии к середине.

Край просох. Центр остался тёмным.

Рен провёл по контуру большим пальцем. На коже выступили мелкие капли. Он вытер их о плащ, снова взял стержень и повёл по уже проложенной линии медленнее, не отрывая наконечника. Пальцы правой руки почти не слушались. Каждый сустав приходилось устанавливать отдельно: согнуть указательный, прижать большой, удержать средний, чтобы тот не соскользнул на мокрую шерсть. От костяного стержня к запястью поднималась тупая тяжесть, дальше она расползалась к локтю.

С края тюка пахло гниющей травой. Рен не отстранился. Вдавил линию глубже, дождался, когда сырая полоса сузится, и только после этого убрал стержень.

Маря сняла с плеча сухую ткань и протянула ему. На ней держалось тепло от огня, тонкое, но настоящее. Рен принял лоскут левой рукой, накрыл им просохший край и прижал ладонью. Ткань сразу потемнела. Влага перешла в неё, оставив на сукне матовую сухую дугу.

— Не всю ночь же ты будешь с каждым возиться, — сказала Маря.

Она говорила о тюках. Взгляд её оставался на его пальцах.

Рен перевернул ткань чистой стороной и промокнул следующий участок.

— Всю ночь не хватит.

— Гарв сказал, до рассвета не трогать упряжь.

— Значит, хватит на часть.

Маря поджала губы и отошла к костру. Её сапог увяз в размокшей земле, подошва с хлюпаньем высвободилась. Через несколько шагов она вернулась с другим лоскутом, уже выжатым, и молча положила его на борт повозки.

Ветер прошёл между телегами. Мокрый плащ прилип к спине, рубаха сжалась под лопатками. Рен переставил ногу и упёрся коленом в колесо, чтобы не качаться вместе с повозкой. Железный обод отдал в сустав холодом.

Следующий тюк оказался суше. Контур замкнулся с первого раза, но тепло расплзлось медленно, с остановками. Рен держал наконечник на каждом изгибе, пока волокна под ним не меняли цвет. Линия должна была быть непрерывной. Стоило оставить просвет шириной с ноготь, и влага возвращалась в ткань: сначала тёмным пятном, затем холодной тяжестью под ладонью.

Он не пытался охватить весь тюк. Проводил овал только вокруг складки, где сукно прилегало к доскам и принимало на себя воду. На дальней стороне ткань всё равно оставалась мокрой. Через неё уже проступала тень верёвки.

Первый тюк высох по краю. На втором печать удержала только верхний слой. У третьего сырость отступила от линии, но собралась в центре, превратилась в цепочку капель и скатилась к нижней обвязке. Четвёртый дал лучший результат: шерсть под пальцами стала сухой и жёсткой, а запах плесени исчез из узкой полосы, которую охватил контур.

Бочонок с солью стоял под самым бортом. Его обруч блестел от воды. Рен провёл по железу ногтем: под рыжими точками металл крошился, оставляя на коже красноватую пыль. Из щели между досками сыпались кристаллы. Они ложились на настил белыми дорожками и тут же темнели от сырости.

Костяной стержень лёг на обруч. Рен надавил. Холод железа сначала не поддавался, затем под пальцами появилась сухая шероховатость. Линия медленно повторяла изгиб обруча под его рукой. Соль внутри не потекла, но новые кристаллы продолжали осыпаться. Один застрял в складке кожи у ногтя и обжёг её мелкой, едкой болью.

— Соль оставь, — сказала Маря от костра. — Её всё равно не укроешь целиком.

Рен не поднял головы.

— Целиком и не выйдет.

— Тогда зачем тратишь на неё руки?

Он сменил нажим, чтобы не сломать стержень на ржавом месте.

— Чтобы не потерять то, что уже осталось.

Маря больше не спорила. За её спиной потрескивали сырые поленья. Дым стлался низко, забирался под воротник и щипал горло. От костра тянуло жареным луком; запах был густым, сладким, неуместно домашним среди мокрого дерева и кислой шерсти. У огня кто-то двигал котелок. Крышка постукивала о край, выдерживая один и тот же ритм.

Рен замкнул печать на бочонке и подождал. Рыжие точки не исчезли. Просто перестали влажно блестеть. Обруч стал сухим, шершавым, но дерево под ним продолжало отдавать сыростью. Соль была удержана, не спасена.

Он вытер стержень о ткань, оставив на ней бело-рыжую полосу, и взялся за соседний тюк.

К этому часу стоянка сузилась до круга в несколько шагов: борт повозки перед лицом, колесо у колена, костёр в стороне, ведро у локтя. За кругом жили голоса, лошади и лес, но каждый звук приходил приглушённым. Влажные ветви тёрлись друг о друга. Где-то коротко звякнула пряжка. Лошадь ударила копытом, и брызги с земли легли на край настила.

Рен видел только шерсть под наконечником.

Новая линия легла неровно. Стержень застрял в плотном комке, дёрнулся и прорезал борозду поперёк овала. Рен остановил руку. В запястье ударила боль, от неё на миг сжались зубы. Наконечник остался в ткани, а пальцы не разжимались.

Пальцы разошлись по одному. Сначала большой. Потом указательный, оставивший на стержне белый след. Кисть дрожала мелко, без размаха. Рен перехватил кость ближе к концу и снова поставил её в исходную точку.

— Хватит, — сказала Маря.

Голос оказался рядом. Она стояла у колеса, держа сухой лоскут обеими руками.

— Ещё один, — ответил Рен.

— Ты уже говорил.

— Этот не закончен.

— Тюк не убежит.

Рен провёл стержнем по повреждённому месту. Вдавил волокна, выровнял край, снова замкнул овал. Ткань под линией начала сохнуть неравномерно: сначала справа, где шерсть была тоньше, затем возле нижней складки. В середине осталось тёмное пятно.

Маря накрыла его лоскутом, не спрашивая. Тёплая ткань легла на руку и забрала часть влаги. Её пальцы придерживали край тюка; под ногтями виднелась чёрная земля.

— Дай просохнуть, — сказала она.

— Если просохнет.

— Тогда хотя бы не порви.

В этих словах остался только тюк. Рен убрал ладонь и позволил ей удерживать ткань. Сам перенёс стержень к соседнему участку. У него получилось замкнуть короткий контур вокруг обвязки, но середина снова не поддалась. Волокна вздулись, выпустили запах плесени.

Маря вернулась с ведром, поставила его у борта и молча отошла к следующей повозке. Вода дрогнула у краёв, пахнула золой и железом. Рен опустил в неё руку, смыл с ладони серую пыль от стержня, вытер кожу о край тюка. Сукно тут же напитало влагу, потемнело под пальцами.

На пятом тюке контур держался. Полоса шириной в ладонь просохла от края к центру, шерстяные нити разошлись, выпустив кислый дух плесени. Под ногтем осталась холодная влажность. Рен провёл по линии ещё раз и убрал стержень к шестому тюку.

Там кость упёрлась в плотный комок. Кончик застрял, дёрнулся и оставил в сукне разрыв. Линия оборвалась. Рен не стал вести её от начала: прижал стержень к самому разрыву, выждал, пока пальцы снова найдут нужный нажим, и медленно протянул черту дальше. Воск на кости скребнул по ткани. Сухой звук растворился в ветре.

Сукно начало темнеть пятнами. Сначала по краю, затем под самой линией. Влага уходила неровно, оставляя в середине тяжёлый мокрый ком. Рен повторил контур. Каждый поворот требовал остановки: указательный палец не слушался, большой сводило под ногтем, запястье ныло до локтя. На третьем проходе полоса наконец сомкнулась, но середина тюка осталась сырой.

Пальцы правой руки потеряли чувствительность. Рен разогнул их по одному. Мизинец поднялся сразу, безымянный задержался, средний согнулся рывком. Большой палец пришлось прижать к ладони другой рукой. Только после этого стержень снова лёг между пальцами.

У костра Гарв не показывался. Там говорили вполголоса; слова распадались в дыму, отдельные согласные цеплялись за мокрые поленья. Лошади переступали в грязи, вытягивали шеи к кормушкам. Рен различал движение челюстей у ближайшей гнедой: медленное, ровное, терпеливое. Сухое зерно хрустело между зубами. Весь лагерь мог двигаться, а эта челюсть продолжала работу, не меняя ритма.

У седьмого тюка стержень лёг на край. Тепло кости почти исчезло. Раньше оно переходило в ткань сразу, теперь задерживалось под ладонью, тонкой жилкой уходило в мокрую шерсть и там гасло. Рен прижал инструмент сильнее.

Линия пошла вниз.

Сукно вздулось под кончиком, продавилось и расправилось. Влага отступала от черты, но в центре тюка сохранялась сырая полоса. Плесень подняла из ткани густой кислый запах. Кашель вошёл в горло и ободрал его изнутри.

Рен остановил руку. Перед глазами осталась только рыжая точка на железной скобе. Точка росла, расплывалась по краям, собирала на себе весь свет от костра. Ветер ударил в повозку, где-то лязгнула цепь, лошадь коротко фыркнула, но рыжая точка не двигалась. На ней выступила крошечная капля. Она скользнула вниз и остановилась у ржавого края.

Стержень остался прижатым к ткани.

Запястье отозвалось болью. Рен провёл линию ещё раз, уже с усилием. Мышцы предплечья свело; суставы побелели под кожей. Контур замкнулся с третьей попытки. Сырая полоса не исчезла, но перестала расползаться к краям.

Восьмой тук принял печать хуже. Сукно просохло по бокам, середина осталась влажной и тяжёлой. Под ладонью шевельнулись холодные волокна. Рен проверил край, затем второй, затем середину. Там вода не ушла: она сидела в ткани плотным, неподатливым слоем.

Стержень скользнул и оставил лишний крюк. Пришлось стереть его большим пальцем, снова выстроить угол и провести черту поверх старой. Кость стала гладкой от работы, пальцы — чужими. Рен перестал различать прикосновение материала; давление доходило до руки через запаздывающий толчок.

Кашель поднялся из груди без предупреждения. Сначала сухо сомкнулось горло, затем грудную клетку сдавило под рёбрами. Рен убрал стержень, согнулся над тюком и прижал ладонь к боку. Кашель бил короткими ударами. Внутри отзывался каждый вдох. На ткани перед лицом дрожала тёмная ворсинка; она отделилась от сукна, прилипла к влажной коже и осталась там.

Маря подошла с сухой тканью.

Она протянула её молча. От полотна шёл жар костра, в нитях держался запах дыма и чистой золы. Рен принял свёрток, укрыл им край тюка и прижал ладонью. Сухая ткань быстро потяжелела. На ней расплылось тёмное пятно. Маря не убрала лоскут: прижала его к краю и удерживала, пока вода переходила из шерсти в ткань.

К костру подошёл Гарв. Он посмотрел на размеченные тюки, на мокрые лоскуты, развешанные у огня, и на бочонок, чей обруч перестал блестеть от воды.

— До рассвета, — сказал он. — Три часа стоянки. Обработаешь только эту часть. Потом груз накроем и войдём в лес.

Рен поднял правую руку. Пальцы не согнулись сразу. Мизинец и безымянный повиновались после второго усилия, средний остался полусогнутым; большой палец пришлось подтолкнуть другой ладонью. Из груди снова вырвался кашель — короткий, сухой, с нажимом под рёбрами.

Гарв отвернулся к упряжи.

— Маря, суши верхние слои. Остальное не трогать.

Работа закончилась не победой, а границей. На первых тюках сухими остались края и узкие полосы под печатью; середина нескольких свёртков по-прежнему темнела, тяжёлая от воды. Часть сукна удалось сохранить. Другую часть пришлось оставить мокрой и перетянуть новой верёвкой. Соль в одном бочонке удержалась внутри, но повреждённый обруч и доски под ним Гарв велел считать потерей.

Рен накрыл стержень тканью и убрал его за пояс. На седьмом тюке, где контур оборвался, Маря заметила тёмную линию у нижней обвязки.

— Здесь ещё вода?

Рен присел. Влажность шла рядом, но не изнутри. Острый узкий надрез пересекал сукно под верёвкой; края разошлись ровно, без расплзшихся пятен. Внутри ткань оставалась сухой.

Ноготь прошёл вдоль разреза. На коже не осталось ни соли, ни ржавой пыли.

Из леса потянуло холодом. До входа в него оставалось три часа.

Железный Бор

Рен опустил ладонь на кору ближайшего ствола. Пальцы скользнули по шершавой поверхности и упёрлись в узкую выемку — ровную, срезанную одним ударом. Края ещё не потемнели от смолы. Дерево отдавало сыростью и хвоей; липкая влага забила под ноготь. За спиной скрипели оси, тяжело ступали лошади. Копыта продавливали мокрую землю, и глубокие отпечатки сразу наливались бурой водой.

У края леса Гарв остановил колонну. Повозки встали неровно, одна за другой, с зазорами, которые быстро заполнил туман от дыхания животных. Гарв обошёл их, дёрнул ремни, надавил на крепления, проверил колёса. Пряжки звякали у него под пальцами. Потом он собрал людей и разделил их на пары.

Ростик взял с собой Тошека и ушёл к задним телегам. Оттуда вскоре донеслись удары: Ростик постукивал по осям рукоятью ножа. Сухое дерево отзывалось коротко, сырое глухо.

Маря осталась у костра. Она разложила сухие ветки поверх старых углей, прикрыла их ладонью от ветра и принялась раздавать воду из бочек. Кружка переходила из рук в руки. Каждому — одна. Потом Маря высыпала в ладони по горсти овса.

Рен принял свою порцию. Вода была тёплой и пахла ржавым ведром. Железо оставило на языке горечь. Овёс рассыпался по ладони; зёрна перекатывались между пальцами, цеплялись за влажную кожу. Рядом лошадь ткнулась мордой в кормушку, облизнула дерево и стала жевать.

Гарв поднял руку.

Колонна двинулась.

Под кронами свет распался на пятна. Стволы теснились по обе стороны дороги, сужая обзор до нескольких шагов. Ветер бился где-то высоко, ломался о верхушки и не доходил до земли. Лишь отдельные струи просачивались вниз, приносили запах гнилой листвы, мокрой коры и свежей смолы.

Рен шёл рядом с первой повозкой. Сапоги вязли в грязи. Вода проникала через швы, холодными полосами растекалась по ступням. Колесо зацепилось за выступающий корень, кузов качнулся, брезент натянулся и коротко скрипнул. Рен отступил, пропуская край повозки у голени. Под каблуком чавкнула земля; толчок поднялся через лодыжку и отдался в колене.

Первое дерево осталось позади.

У второго ствола ладонь снова прошла по коре. Сначала — рыхлая шероховатость, затем влажная трещина, затем ровный срез. Выемка была узкой, глубиной в ноготь. Смола ещё не успела затянуть древесину.

Рен не окликнул никого: рядом находился Тошек, а после недавней утечки любое слово могло уйти дальше, чем требовалось. Сначала следовало проверить метки самому и дожидаться знака, который нельзя будет принять за обычную лесную зарубку. Лицо осталось обращённым к дороге; пальцы задержались на коре дольше, чем требовалось для опоры.

Повозка двинулась дальше. Копыта били по размокшей земле. Ритм складывался из хлюпанья, скрипа оси и тяжёлого дыхания лошадей.

Через сорок шагов на той же стороне дороги показался новый срез. Рен коснулся его большим пальцем: древесина поддавалась мелкой щепой, края оставались светлыми. Метку можно было принять за лесную — если не считать расстояние и одинаковый короткий удар ножа. Кто-то работал недавно. Не сегодня — или сегодня, до прохода каравана.

Плечо первой повозки задело ветку. Холодная вода пролилась Рену за воротник, плащ отяжелел, а мокрый рукав начал цепляться за кору при каждом толчке.

Ростик двигался возле задних телег, наклонялся к осям, проводил пальцами по втулкам. Маря переходила от лошади к лошади и сыпала овёс в кормушки. Животные жевали медленно.

Зубы скребли по зёрнам; этот сухой звук держался рядом с караваном, пока лес принимал его и возвращал глухими толчками.

Рен наспех начертил маршрут ногтем на грязном борту: поваленная берёза, первый срез, следующий ствол. Расстояние между отметками совпадало; теперь он следил не за каждой зарубкой, а за тем, появится ли следующая там, где её должен увидеть наблюдатель.

Ещё одна зарубка обнаружилась на стволе с толстой корой. Лезвие вошло глубже, оставив белую полосу под тёмным наружным слоем. Рядом прилип клочок мха; сверху он подсох, снизу оставался тёмным и мокрым. Рен снял руку с дерева и вытер ладонь о внутреннюю сторону плаща. На коже осталась смола, в ней — две мелкие щепки. Одну он вытащил ногтем. Вторая вошла глубже и осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.